

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ

*

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

Рассказ. Сценарий. Наброски. Записи

«...СОХРАНИТЬ В НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ»

...само бесследное исчезновение бывает условным; часто случается, что однажды умершее впоследствии становится бессмертным и яростно живущее оказывается мнимым или ничтожным¹.

В естественной эйфории последних лет, связанной с публикацией главных книг Платонова, незаметно отошли на задний план вопросы культуры возвращения этого уникального наследия XX века. Рукописи художественных текстов, варианты, наброски, письма, записные книжки, с замечательной смелостью и вызовом немилосердному времени сохраненные «вечной Марией» Платонова, его женой Марией Александровной, сегодня взывают о помощи. Написанные почти всегда карандашом, на самой плохой бумаге, на оборотной стороне машинописей, на бланках служебных записок, они физически устасают. Это одна сторона дела. Другая — возвращение читателю неискаженного авторского текста. Уже при жизни Платонова его произведения не только отклонялись, но и беспощадно и ультимативно правились. Редакторская правка прошла по «Городу Градову», «Сокровенному человеку», «Епифанским шлюзам», по всем рассказам, изданным при жизни писателя. Традиция «казни произведений Платонова» (определение М. А. Платоновой) оказалась одной из живучих. В 1936 году при публикации рассказа «Глиняный дом в уездном саду» («Нужная родина») исчезнет его финал. «...среди них есть много таких же, как он, круглых сирот, которые наравне с ним создадут себе нужную родину на месте долгой бесприютности. Он нигде не встретил живыми отца и мать, их могилы наверно давно загромодили где-то великие строения, и он перестал искать их. Вырости большим, мальчик понял, что многие мысли и чувства осуждены на то, чтобы их носить только в своей груди и спрятать затем вместе с собой где-нибудь в терпеливой темной земле» (курсивом обозначен сокращенный при публикации текст рассказа. — Н.К.)².

Это 30-е годы, когда идеологический гребень прочешет даже такие рассказы, как «Июльская гроза» и «Среди животных и растений». Но по этой же логике недоверия к тексту писателя в некоторых изданиях рассказа «Афродита» (1943—1944) будет отсечен его пронзительный финал: «Фомин снял шинель и сел писать письмо Афродите: „Дорогая Наташа, ты верь мне и не забывай меня, как я тебя помню. Ты верь мне, что все сбудется, как должно быть, и мы снова будем жить неразлучно. У нас еще будут с тобою прекрасные дети, которых мы обязаны родить. Они томят мое сердце тоской по тебе...“»³.

Что оставалось от своеобразного стиля и особой языковой интонации Платонова, можно проиллюстрировать на рассказе военных лет «В сторону заката солнца» (курсивом обозначен исправленный или сокращенный платоновский текст, в скобках — редакторский вариант):

«Он заснул и во сне примерз к земле (Пока спал, он примерз к земле)

© Публикация и составление М.А. ПЛАТОНОВОЙ.

Вступительная статья, подготовка текста и комментарий Н.В. КОРНИЕНКО

¹ Из черновых набросков Платонова 1937—1938 годов к очерку о Карагезе (ЦГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед.хр. 66).

² ЦГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед.хр. 45, л. 20.

³ Там же, ф. 619, оп. 1, ед.хр. 1483, л. 25.

— *Вставай, организм! (брат!) — сказал себе Толкно в утешение... Он с усилием оторвал себя (оторвался) от промерзшей земли... Капитан указал рукой на заходящее большое солнце, сияющее светом по облакам и небу. Бойцы посмотрели на великое пространство, ожидающее их, — потоки разноцветного света на небе походили сейчас на торжественную музыку, уводящую сердце человека в безвозвратный путь (трогающую человека за сердце)*⁴.

Еще один пример. Сохранилась машинопись повести «Эфирный тракт» с редакторской правкой 1927 года. Жесткой рукой сокращены две главы — история Аюны и диалог ученого Попова с секретарем парткома. В соответствии с этими достаточно большими купюрами (около двух печатных листов) вычищен и стиль повести. На последнем листе машинописи Платонов оставил запись: «Верить машинке!» В 1966 году повесть будет впервые опубликована, а к купюрам 1927 года добавятся новые. Теперь уже трудно будет понять самые простые связи в тексте. Так, Мария Кирпичникова думает, что для нее история Аюны то же, что для сына Егора стихотворение «о шоффере». В тексте же нет истории Аюны. Исчезла — теперь уже по политическим мотивам — и вторая часть стихотворения, которое учит Егор: «Нам людей давить не жалко, / По уставу не знакома / Пионеру грусть»⁵. В монографии 1989 года можно прочитать о повести «Эфирный тракт»: «Повесть «Эфирный тракт» вплотную подвела Платонова к отказу от *былой односторонности*, согласно которой инженер, ученый, как некогда воин или купец, — главный Прометей эпохи (курсив мой. — Н. К.)»⁶. Смее уверить, что с «односторонностью» Платонова, а тем более с «отказом» от нее все намного сложнее. Об этом свидетельствуют и полный текст «Эфирного тракта», и статья «О социалистической трагедии» (1934), и роман «Счастливая Москва» (1933—1936). Я уж не говорю о записных книжках писателя, которые в последние годы печатаются выборочными порциями в соответствии с социально-политическим моментом.

Мы удивительно мало знаем о писателе. Так уж сложилось, что и при жизни писателя и после его смерти суждения о Платонове по-своему опережали процесс возвращения его произведений. Невостребованными остаются целые материки наследия: повести, сценарии, рассказы, статьи, наброски, научно-технические изобретения, работы по мелиорации 20—40-х годов. Как свидетельствуют, например, документы, с Комитетом по изобретениям СССР Платонов был связан с 1925 по 1948 год. С 1931 по 1935 год он старший инженер-конструктор Росметровеса. И даже оставив эту должность, он продолжает инженерно-конструкторскую работу. И не несколько патентов на изобретения, а десятки патентов, технических записок, чертежей хранится в его архиве (думается, много нового откроет и архив Комитета по изобретениям). Кто возвратит эту часть наследия Платонова, имеющего самостоятельное значение для культуры? Как это ни странно, но именно технические записки и чертежи могут оказаться единственным источником для датировки многих текстов писателя, под которыми сейчас достаточно произвольно стоит дата их создания. Изобретение, над которым работал Платонов-изобретатель, обязательно говорило на страницах его произведений языком одновременно технически точным и поэтическим...

Еще один пласт наследия Платонова связан с сельским хозяйством и русской деревней: работы по мелиорации 20-х годов, наброски к «Очеркам бедной области», материалы по жизни рек Воронежской губернии, отчеты о командировках 1929—1932 годов от Наркомзема РСФСР, статья 1946 года «Страхование урожая от недородов»... Документы свидетельствуют, что «Чевенгуру», «Котловану», «Ювенильному морю» предшествовал кропотливый жесткий анализ культурных, нравственных, исторических последствий социально-экономических преобразований русской деревни. Как говорит платоновский Макар: «Самой деревни, в смысле ее царского устройства, уже не существовало: в ней произошел колхоз»⁷. Это великий урок Платонова-художника: подробный социально-экономический анализ самых разных ситуаций в деревне и в сельском хозяйстве никогда не разрушает эстетическую гармонию его поэтического мира. Поднять же этот пласт наследия безусловно необходимо. Творческая история «Ювенильного моря» и «14 красных избушек», написанных в 1931—1932 годах (время страшного прессинга сталинской идеологии и публичных отречений Платонова от всего им написанного), приоткрывает глубинные пласты литературной судьбы писателя, его последовательного сопротивления «идеологической оглашенности» искусства. Знакомство с творческой историей «Чевенгура» и «Бессмертия», «Котлована» и «Фро» многое поставит на место и в наших сегодняшних представлениях о писателе. Странно читать, будто интересы Платонова в пору писания «Чевенгура» ограничивались газетной периодикой: «Именно в политических исканиях эпохи стремился принять участие художник Платонов; он знал, что роман его читать иначе не будут, он и сам не читал тогда иначе»⁸. Но в личной (небольшой) библиотеке Андрея Платонова находим:

⁴ Там же.

⁵ Там же, ф. 2124, оп. 1, ед.хр. 70, л. 58.

⁶ Ч а л м а е в В. Андрей Платонов. М. 1989, стр. 155.

⁷ Архив ИРЛИ, ф. 780, ед.хр. 18, л. 1 (рассказ «Отмежевавшийся Макар»).

⁸ П л а т о н о в А. Чевенгур. Воронеж. 1989, стр. 416. Комментарий Л. Коробкова.

«Философию общего дела» Н. Ф. Федорова, «Курс русской истории» В. Ключевского, «Закат Европы» О. Шпенглера, «Новую космологию» Ир. Скворцова, «Народоведение» Фр. Ратцеля, «Всеобщую географию» Э. Реклю, книги по древней истории, многочисленные номера еженедельников и журналов «Мысль и слово», «Вестник Европы», «Записки мечтателя», «Россия» и др.

Современники Платонова тонко чувствовали, какие мощные пласты философской мысли начала XX века хранятся в памяти писателя. Странными кажутся сетования наших историков (в 1989 году) по поводу рассказа Платонова 1936 года «Бессмертие»: не удержался, мол, и автор «Чевенгура», подключился к общему славословию наркома «железнодорожной державы» Л. М. Кагановича... Удивительно, но у неистовых критиков Платонова 30-х прозрение наступило быстрее. Нескольких месяцев оказалось им достаточно, чтобы отречься от первоначальной, высокой, оценки «Бессмертия» (именно за сцену телефонного разговора знаменитого наркома с главным героем рассказа Левиным). Уже в 1937 году критик А. Гурвич, проанализировав художественную ткань платоновского рассказа, обнаружил у истоков родословной героя «Бессмертия» не Кагановича, а христианское мироощущение главного героя «Чевенгура» Саши Дванова: «Разве не его (Дванова. — Н.К.) котомку несет в своих руках Левин, как знамя жертвенности и самоотречения?.. Вместе с котомкой Дванов передал Левину все свои чувства и мысли»⁹. И. Сац в 1938 году в письме Платонову просил его убрать из статьи «Пушкин и Горький» слово «взыскание» («... центр темы заключается в выходе из положения смерти, во взыскании погибших»): «...„взыскание” — неприятная традиция у этого слова со времен Бердяева, Булгакова и пр. [мрзб], конечно, этим и пренебречь»¹⁰.

При издании главных повестей Платонова 20–30-х годов произошла путаница с заменой вождей, по типу «регистра переименования» героев «Чевенгура», мучительно выясняющих вопрос «были ли Колумб и Меринг достойными людьми, чтобы их имена брать за образцы дальнейшей жизни, или Колумб и Меринг безмолвны для революции». Первую правку подобного рода провел сам Платонов, готовя в 1928 году к переизданию повесть «Сокровенный человек»: В духе пуховских откровений о том, что «вождей много, а паровозов нету», «одними идеями одеваемся, а парток нету», провести замену имени Троцкого было нетрудно. Внутренняя логика сохранялась. Первая правка: «Ночью Пухов играл с красноармейцами и рассказывал им о Троцком, которого никогда не видел». Платонов вычеркивает Троцкого и вписывает... командарма Южного фронта товарища Фрунзе. Вторая правка: «Угля у меня не хватало, я и вернись из-под Крыма на «Герое Троцком» — пароход такой есть». Платонов зачеркивает Троцкого и вписывает Томского. А на полях пуховская ремарка: «...на пароходе «Герое Томском» — пароход такой есть, а героя нету»¹¹. Однако платоновская правка не спасет «Сокровенного человека» — в изданиях 60–80-х годов произойдет полное разрушение удивительно тонкой ткани этой повести.

То, что произошло с именами вождей при публикации «Джана», «Котлована», «14 красных избушек», по-своему замечательно. В современных изданиях Сталин везде заменен на Ленина, а там, где в тексте появляется Ленин, сделаны купюры. Исчезли из «Котлована» и попытки Насти, ученицы Сафронова и Чиклина, связать имена Ленина и Сталина: «Настя писала Чиклину: „Ликвидируй кулака как класс. Да здравствует Сталин, Козлов и Сафронов. Дядя Чиклин, Сталин только на одну каплю хуже Ленина, а Буденный на две...”»¹². Возможно, что сам Платонов на каком-то этапе переписал имена вождей, готовя приемлемый вариант. Однако таких свидетельств пока мы не имеем. Думается, что эта правка восходит к 60-м годам. Политическая история России XX века, какой она отразилась в творчестве Андрея Платонова, еще будет восстановлена, но для этого нужно вернуть и «Котлован», и «Джан», и «Среди животных и растений» к рукописному авторскому оригиналу.

Предлагаемый читательскому вниманию материал из домашнего архива А. Платонова и фонда Платонова Центрального государственного архива литературы и искусства (ЦГАЛИ) публикуется по рукописным автографам. Все автографы представляют собой карандашную запись, иногда скоропись. В публикации набросков сохранены авторские сокращения: при завершении текста писатель мог вернуться к первоначальному варианту. Авторские купюры в текстах помещены в квадратные скобки. Недописанные части слов в материалах, печатающихся с автографов Платонова, восстановлены и заключены в угловые скобки. Косыми скобками обозначены в текстах варианты стилиевой правки Платонова.

⁹ «Красная новь», 1937, № 10, стр. 209.

¹⁰ ЦГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед.хр. 126-а, л. 1.

¹¹ Там же, ф. 613, оп. 1, ед.хр. 7426, л. 46, 105.

¹² Там же, ф. 2124, оп. 1, ед.хр. 71, л. 84.

НАДЛЕЖАЩИЕ МЕРОПРИЯТИЯ

(Святочный рассказ к 10-й годовщине)

Циркуляр гласил нижеследующее:

«Приближающуюся 10-ти летнюю годовщину Великой Октябрьской Революции, как Всемирно-Историческое Событие, надлежит ознаменовать соответствующими надлежащими мероприятиями. Не внося предварительных предложений и не предпринимая форм необходимых мероприятий, мы всецело предоставляем изыскание таковых форм инициативе служащих масс вверенного нам ведомства; однако, предложения должны быть завизированы замами соответствующих отделов, в котором сотрудник, вносящий предложение, числится по штату, и затем передана Нач. АФУ для систематизации и передан мне на утверждение.

Пред. Управления Электрофлюидсиндиката Ф. Кроев.
Нач. АФУ И. Месмерийский.
Зав. Орг. Отд. Завын-Дувайло».

Служащие массы, получив под личные расписки текст циркуляра, одновременно задумались. Многие тотчас же рапортовали, что их мышление вращается в кругу мероприятий, предусмотренных операционным планом на 1927—8 год, а так как в плане 10 летний юбилей Октября не обозначен, то и мысль невозможно направить по линии внепланового задания, а посему нижеподписавшиеся не имеют предложений.

Но и иные служащие, принятые вне биржи труда, озаботились и стали вносить предложения, чтобы уцепиться на служебных постах.

Сначала почти все инициаторы посетили товарища Завын-Дувайло на предмет справки: подлежат ли предложения оплате установленным гербовым сбором или нет, а также — на скольких страницах допустимо писать предложения.

Получив точные разъяснения, инициативные служащие сели писать — конечно, дома, чтобы не занимать служебного времени.

Через 2 недели, к указанному в циркуляре сроку, тов. Месмерийский приступил к предварительной читке поступивших предложений. Некоторые из них он дал мне — «для отжатия смысла и составления оценочного резюме», — как указал мне тов. Месмерийский.

В порядке поступления я публикую некоторые предложения, для получения их гласного одобрения. Эти предложения я сократил, отжав смысл из бумажных пространств и выбросив революционные <трюизмы — нрзб>, неизбежно предшествовавшие каждому предложению (как будто их составители были на заметке у ГПУ и усердно реабилитировали себя).

«...Сосчитавши героев Октября, я подвел итог и у меня вышло 147 человек, что для 1/6 части мирового пространства обидно мало. А потому, а также вследствие... я был бы рад, если бы соответствующие ведомства, напр. Наркомвнудел, ЦСУ, Наркомвоенмор и др., завели книги учета выдающихся деятелей революции по всем советским линиям... дабы в будущем составить единый том с перечнем всех героев и утвердить его вышестоящей инстанцией. Затем том героев опубликовать вместе с фотографиями и факсимиле — для всеобщего почитания трудящимися массами. Такой труд был бы великим достижением, наряду с Днепростроем и прочими гигантскими масштабами... Секретарь общего п/отдела Орготдела Адм. - Фин. Управления Е.С. Несваринов».

[«...Товарищ Никандров, будучи чистым Новороссийским пролетарием, до подобия похож на великого вождя В.И. Ленина. Эта косвенная причина послужила обстоятельством для его игры в знаменитой картине Октябрь режиссера туманных картин г. Эйзенштейна. Имея в виду необходимость широкого ознакомления пролетариата с образом скончавшегося вождя, а мавзолеев в Москве не может обслужить всех заинтересованных, я предлагаю... учредить особый походный мавзолей, где бы тов. Никандров демонстрировал свою личность и тем восполнял существенный культурный пробел... От сего трудовой энтузиазм

и преданное рвение в народе возвысятся и поездки тов. Никандрова самоокупятся... Делопроизводитель Отдела заказов Х. Вантунг».]¹

«...Особым торжественным законодательным актом организовать на пространстве Союза 10 революционных заповедников, в коих бы и собрать атрибуты и живых участников великих событий — для вечного показа потомкам и поучения их. Следовало бы открыть такие ревзаповедники на Перекопе, в Самаре, Ярославле, в Донских пунктах, в Ленинграде и прочих местах обширного соотечества. Атрибуты и живые участники должны состоять в нетронутым и естественно-героическом покое... Зав. п/отделом ликвидации убытков Ф. Арчаков»².

«...Срочно организовать всесоюзную архивную кампанию, с целью отыскания замечательных документов эпохи, с последующим преподанием их публике в напечатанном систематическом виде. Для успешного проведения кампании привлечь учащихся, красноармейцев и безработных, а также комсомольцев в их, имеющий в виду быть, субботник... Старш. архивариус синдиката Родион Маврин».

«...Художественно начертить схему диктатуры пролетариата — от председателя Всесоюзного Съезда Советов вплоть до батрака и лесоруба. Заключенных же, беспризорных и частников связать с общей схемой пунктиром... Схему выставить на радиомачте станции Коминтерна и осветить прожектором со склада Синдиката... Чертежник Проект-бюро Ч. Плюрт».

«...Всем союзным женщинам надо шить по одной varejke беспризорным, только сговориться, чтобы они не пришились на одну руку. Машинистка О.Становая».

«...Добиться всесоюзного радостного единодушия, посредством испускания радиоволн, и организовать взрывы счастья, с интервалами для заслушивания итоговых отчетов... Счетовод А.Зверев».

«...Спеть одновременно под открытым небом всем Союзом Социалистических Народов Интернационал — в полтораста миллионов голосов с лишним. Я полагаю, его услышат, даже китайцы и лорд Чемберлен. Пускай это будет обедня Всемирной революции и задрожат анафемы капитала. Кассир Г. Л. Латыгин, быв. комрота Туркестанской Краснознаменной дивизии особого назначения»³.

«...Раньше бывало ходят так называемые боэжи странники: висит у них на животе кружка, на кружке живописная картинка, а в кружку люди кладут пятаки и любую разменную монету — по желанию. Так и строились Кафедральные соборы. Так нужно и теперь. Надо раздать кружки нашей полухулиганящей молодежи, над кружкой поместить четкие чертежи Днепростроя и Волго-Дона с красочной перспективой экономического благополучия и пустить молодцов по советским странам. Через год — к 11-ти летию — мы бы одной меди набрали на индустриализацию миллионов триста... Инструктор межрайонной торговой периферии синдиката И. Жолнеркевич».

«...Энергию крымских и всяких землетрясений употребить для неотложной электрификации тех же мест... Лифтер Порежин».

«...Вывесить загодя высокий флаг, а ходить по грязям толпой не нужно. Пушай люди лежа полежат хоть в десятый год. Рассыльный М. Крестинин».

Эти и прочие мероприятия, надлежаще сведенные мною в единое и общее целое, пошли к тов. Месмерийскому.

Означенный начальник ознакомился с папкой предложений лишь как с вещью, а не как с содержанием смысла, и выразился общей резолюцией:

«Пред. Правления Синдиката. Для непосредственного соответствующего распоряжения, т.к. дело относится к политическим мероприятиям».

Предправления тов. Кроев продержал папку четыре недели и так и не мог ее прочитать — от занятости текущими делами.

Начал падать снег — приближался Ноябрь вместе с годовщиной.

Тов. Месмерийский направил меня к тов. Кроеву — для напоминания о праздничных мероприятиях. Через 2 дня я был принят и заявил у стола председателя:

— Тов. Кроев, прочитайте всю массу предложений — там есть существенные мероприятия...

— Да? — спросил Кроев, удивившись, что его сотрудники могут предлагать что-то существенное. — Что же, сделаем что-нибудь... Я, знаете ли, уже читал предложения. Что, не ожидали? Прочитал. Все мероприятия стоят миллиард — я прикидывал. Взять из них одно — рассыльного: вывесить флаг... Надо попошней, чтобы вышло поэкономней... Вот. А папку возьмите — отдайте в архив...

Затем папка с исходящих номеров вошла через входящий журнал в архив — к тов. Р. Маврину. Тот ее аккуратно занумеровал большим номером вечного покойника и положил в отдел «Оргмероприятия». При составлении ведомости достижений Синдиката к 10-й годовщине Октября — работа архивариуса была надлежаще учтена в графе «Нагрузка аппарата»: 20000 дел плюс одно.

В рукописи на первой странице имеются два названия рассказа: «Итоги и перспективы (Доклад Начальника АФУ своему наркому по поводу 10 летия Октября)» и «Революция исполненная». На последней странице рукописи — дата его написания: «16.X.27». Подзаголовок рассказа выбран автором не случайно. Соединив в нем название традиционного народного праздника (зимних Святков, отмечаемых с 25 декабря по 6 января по старому стилю) с новым революционным календарем. А. Платонов обнажает пародируемый объект: абсолютную подчиненность единому революционному содержанию всех уровней культуры и жизни. Своеобразный эффект «градовской школы философии» (определение Л. Шубина) точно зафиксировал в рассказе и разрушительные процессы, происходившие в языковой сфере. Современник Платонова лингвист А. Селищев писал о чудовищных «словарных утратах» в живой русской речи, которые подменялись² самыми немислимыми словообразованиями. Он с болью отмечал, что «сокращение слов носит иступленно-стихийный характер и угрожает в недалеком будущем сделать нашу речь нечленораздельной» (С е л и щ е в А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917—1926). Изд. 2-е. М. 1928, стр. 167).

¹ С конца 1926 года газеты периодически сообщали читателю о работе С. Эйзенштейна над фильмом «Октябрь», о подготовке рабочего уральского завода В. Н. Никандрова к исполнению роли В. И. Ленина. Рабочий Никандров, имевший внешнее сходство с Лениным, играл в юбилейном году роль Ленина и в пьесе Н. Суханова «1917» в Малом театре. В октябре 1927 года предпраздничные номера газет и тонких журналов вышли с фотографиями из фильма «Октябрь», первый просмотр которого состоялся 7 ноября 1927 года. В идее «походного мавзолея» одним из объектов пародирования стало стихотворение известного поэта Д. Алтаузену «Кремлевская стена», опубликованное в подборке юбилейных материалов. Стихотворение построено как широкое эпическое повествование о нечеловеческих трудностях, которые преодолевают советские люди, стремясь в Москву: это и «люди с Памира», и «с Карпат и Алтая, седые от ветра и бед» («Новый мир», 1927, № 9, стр. 138).

² ...организовать на пространстве Союза 10 революционных заповедников... — в этом «предложении» развернуты конкретно-исторические координаты идеи ревзаповедников Пашинцева, одного из рыцарей чистоты революционной идеи в «Чевенгуре». Не случайно ревзаповедниками писатель отмечает самые героические (кровопролитные) места гражданской войны. Следует также отметить, что в 1927 году в преддверии Октября страна была охвачена идеей всеобщей военизации, призывы к бдительности и подготовке к войне заполнили всю периодику. «Опасность велика, — отмечалось в статье «Военная опасность и борьба с ней». — Авангард международного пролетариата ее сознает. Трудящиеся массы не будут застигнуты врасплох. В этом залог нашей победы» («Красная новь», 1927, № 10, стр. 168). Ср. с «Городом Градовом»: «Сушить сухари впрок — весной будет с кем-то война».

³ ...спеть одновременно под открытым небом... — в этом «предложении» пародируется единый прием проведения многочисленных международных акций в рамках предпраздничных мероприятий. 1927 год проходил под знаком постоянных приветствий китайской революции. Так, в редакционной статье журнала «На литературном посту» от 25 мая 1927 года А. Фадеев писал: «<...> лозунгом Коммунистического Интернационала является не голая пропаганда мира, а защита русской и китайской революции». Однако на октябрь 1927 года приходится и первые поражения китайской революции, которые по времени совпадают с сентябрьским заседанием Лиги Наций и выступлением на ней английского премьер-министра Чемберлена. Имя Чемберлена в 20-е годы приобретало, по определению А. Селищева, знаково-символическое значение: «В переносном смысле Чемберленом стали крестить все, имеющее касательство к иностранной жизни» (С е л и щ е в А. М. Язык революционной эпохи, стр. 191). Ср. с «Городом Градовом»: «Протестовать против Чемберлена, — в случае чего стать, как один, под ружье».

МАШИНИСТ

Либретто

Действующие лица:

М а ш и н и с т
 Д е в у ш к а
 К у з ь м а
 А к т и в и с т
 С е р е д н я к
 Ж е н и х д е в у ш к и
 Л о ш а д и , п е т у х , т а р а к а н ы
 В т о р о с т е п е н н ы е п е р с о н а ж и

Машинный зал электростанции. Два турбогенератора. Распределительная вертикальная панель с приборами. Красные лампы над включенными автоматами. Под лампами циферблаты амперметров. Таблички: «литейный», «сборный», «кузнечный», «колесный», «токарный». Вращающиеся коллекторы генераторов динамо-машины. Из-под токособирательных щеток брызжет огонь. Стрелки циферблатов-амперметров подрагивают близь красных черточек, указывающих предельную нагрузку.

Машинист стоит у турбогенератора. Турбина слегка парит через клапаны регулятора. Жарко. Машинист отирает с лица пот обтирочными концами. По лицу машиниста ползет масляная грязь. Он смотрит на приборы. Стрелки трепещут. Коллекторы динамо-машин искрят еще сильнее. Машинист берет наждачный лист и, прижав его к вращающемуся коллектору, уменьшает пламя, бьющее из-под щеток. Коллектор натерт до блеска.

Станция везет свою предельную нагрузку.

Электрическое сверло вонзается в котельный лист. Сверлильный прибор грудью прижимает котельщик. Из-под сверла бьет пламя, несмотря на струю воды, которая охлаждает сверло. Резец гонит стальную стружку с обтачиваемого паровозного бандаж.

Фасад электростанции. Черная доска на фасаде. На доске написано:

«Наш завод работает на плюху. За полугодие промфинплан выполнен на 85%. Здесь делают узкое место и организуют социалистическое горе».

Снова машинный зал электростанции. Машинист чистит наждаком коллектор. Щетки искрят сильнее, чем раньше, и машинист не может их сбить. Стрелки амперных циферблатов перешли за красные черты пределов нагрузки и подрагивают на новых местах.

Из корпуса второго генератора показывается дым. Машинист оглядывается на него. Взрыв напряженного синего (если можно это сделать) пламени. Машинист подбегает к распределительной панели и выключает всю нагрузку сгоревшего генератора. Затем закрывает вентилем паропровод в турбину, которая вращала выбывший генератор. Весь турбогенератор останавливается. Теперь работает только один турбогенератор.

Стрелки циферблатов «токарный», «котельный», «литейный» падают на нули. Эти цеха вез сгоревший турбогенератор.

Ранее показанное электрическое сверло вновь показывается. Оно теперь останавливается. Резец, гнавший стружку с бандаж, также перестает работать. Котельщик, что работал сверлом, а затем токарь производят движением уст некоторые слова и плюют на железо с такой яростью, что из железа от их плевков показывается ржавь.

Электростанция. Машинист тоже плюет на корпус работающего генератора. Слюни его кипят на теле машины и вмиг исчезают.

Машинист нажимает кнопку, около которой написано «котельная».

Котельная. Батарея котлов. Над одной топкой загорается красная лампа. Она освещает табличку: «держат предельное давление».

Два кочегара. Они в одних штанах, без рубаш. Они подходят под непрерывно льющийся душ, обдаются водой, затем открывают дверцу топки и начинают бросать в нее, навстречу выбивающемуся дымному огню, полные лопаты угля.

Машинный зал электростанции. Машинист глядит на единственно работающий турбогенератор. Машинист говорит генератору:

«Держись, бедняк!»

Подходит к распределительной панели. Включает автомат: переводит всю нагрузку завода на

уцелевший турбогенератор. Моментально, вслед за движением руки машиниста, включившего автоматический рубильник, из-под щеток генератора вместо искр стали бить целые молнии.

Стрелки циферблатов — «токарный», «котельный», «литейный» — трогаются с нулей, показывают нагрузку.

Сверло котельщика завращалось. Резец снова взял сталь. Турбогенератор работает с громадным перенапряжением, он даже дымится. Пластины предохранителя нагреты докрасна (сделать это натуральным цветом, если можно), затем они делаются накаленными добела и так остаются белыми.

Весь машинный зал электростанции наполняется газом тлеющего генератора и паром из неплотностей турбины. Машинист открывает двери электростанции, через дверь виден летний день и покоящиеся без ветра деревья. Машинист снимает пиджак и ложится на корпус генератора с наждаком в руках. Он хочет потушить молнии на коллекторе — и трет его наждаком. Все движения машиниста не поспешны, но чрезвычайно экономны и потому кажутся быстрыми. Ему 30 лет.

Из котельной входит кочегар. Он равнодушен.

«Что у тебя тут газует?»

Осветительные лампы припогасают в тумане газа.

Машинист отвечает с машины:

«Ступай баланс нажми. Видишь — напряжение тает. Твой пар в мою вертушку не берет — давай мне давление».

Кочегар уходит. Котельная. Котел [*нрзб*] работает: из предохранительного клапана бьет вихрь пара. Кочегар залезает по лестнице на котел. У него в руках ключ. Он поворачивает ключом гайку клапана. Пар перестает бить из клапана. Кочегар сходит с котла.

«Жги воду с форсом», — говорит он второму кочегару. Второй кочегар открывает дверцу топки. Оттуда рвется длинное пламя. Вдвоем они начинают загрузку топки углем.

Машинный зал. Машинист лежит на генераторе. Входят двое: директор завода и секретарь партколлектива. Они осведомляются — в чем дело. Стоят у генератора. Смотрят на трепещущие стрелки приборов. Пауза.

«Пронесемся или сторим?»

Машинист сползает с машины. Рубашка на его животе истлела, пока он лежал, и он взмок от пота.

Взрыв синего пламени из генератора. Одновременно — вихрь пара из клапана турбины. Машинный зал от дыма и пара делается невидимым.

Котельная. Кочегар натягивает рычаг гудка. Тревожный гудок. К электростанции подъезжает пожарный паровоз.

Кочегар направляет струю брандспойта в чад машинного зала. Чад несколько рассеивается. Около генератора навзничь лежит машинист. Он показывает на свой голый черный живот. Кочегар направляет струю воды на живот машиниста. Машинист встает.

«Брось меня в топку, такого стервеца!»

Кочегар поливает водой директора и партийного секретаря, которые также лежат опрокинутыми. Кочегар кладет брандспойт на пол и закручивает вентиль еще вращающегося турбогенератора. Все стрелки циферблатов показывают нули. Кочегар говорит:

«Ты думаешь, промфинплан теперь споткнулся. Пускай споткнулся — мы его подыдем, и он опять пойдет!»

Ночь. Звезды. Завод во тьме. Здание электростанции. Окна ее слабо светятся. Там горят керосиновые лампы. Два десятка монтеров сидят на полу: они перематывают якоря генераторов и разбирают турбину. Машинист повис на цепи недействующего электрического крана. Ему помогают другие мастеровые. От их общего веса кран начал действовать — он приподымает деталь генератора, зацепленную за другой конец крановой цепи.

Стоит очередь больных паровозов — иные без дышел, иные без тендеров и т.д. Мимо паровозов идет девушка с узелком. Она подходит к электростанции. Входит в машинное помещение. Видит машиниста; тот сползает с крановой цепи. Девушка дает ему узелок с едой. Машинист сразу ест. Девушка опечаленно стоит против этого грязного полутолого человека. Она говорит:

«Я не знаю, зачем я ношу тебе еду, зачем тоскую, когда мы никогда не будем женаты».

Машинист жует.

«Уже скоро, Маша, будет социализм».

Ты подожди чуть-чуть».

Девушка идет обратно мимо больных паровозов. В ее руке пустой узелок. Она прислоняется к цилиндру холодного паровоза и стоит в слабой ночной тьме. Затем идет дальше. Очередь паровозов длится мимо нее. Девушка идет все более быстро. Бежит. Паровозы не кончаются. Она хватается за колесо паровоза и останавливается в недоумении.

Общее собрание рабочих завода. Собрание происходит в цехе. Трибуна — тендер паровоза. На трибуне — машинист электростанции, директор завода, секретарь партколлектива и предзавкома. Собрание взволновано.

«Кто сжег генератор? Какой полугад остановил весь завод на 14 часов? Показать его на усмотрение масс!»

Тысячное собрание настроено тревожно и угрюмо.

Машинист встает.

«Я».

Секретарь партколлектива встает.

«Мы».

Собрание сразу умолкает. Кто сидел, тот встает. Общее молчание. Видно, как по лицам мастеровых невозбранно ползают мухи.

Секретарь, директор, предзавкома и машинист медленно сходят с тендера. Идут сквозь строй рабочих. Их останавливают без внимания. Машинист идет сзади всех; его лицо выражает спокойствие, а не огорчение. Секретарь, предзавкома и директор уже вышли из массы. Но двое задних мастеровых протягивают руки и задерживают машиниста:

«А ты оставайся, черт беззаветный!

Опять пойдешь в сборку — паровозы гонять».

Заболоченная долина большой реки. Испарения болот застыт солнце. Осока, камыш, топь, бездорожье и глушь бесприютного местожительства. Бедная деревня на острове — среди мокрой поймы. Утро. Тишина. При въезде в деревню вывеска — «Колхоз имени Генеральной Линии». Около некоторых изб стоят прислоненные новые тесовые гробы. У других изб мужики только делают гробы. Недалеко от деревни видна железнодорожная дамба, пересекающая всю речную пойму поперек*.

На дамбе неподвижно стоит крестьянин. Он бос и плохо одет. Он глядит в даль пустыми выцветшими глазами, едва ли что соображая. В колхозе звонит колокол на работу. Крестьянин автоматически идет с дамбы в колхоз.

Среди колхоза большой двор. На воротах вывеска «РСФСР. Организационный Двор». На дворе собрались крестьяне, по виду и настроению подобные первому, которого мы назовем Середняком: он становится в ряд со всеми. Из дома Оргдвора появляется на крыльце Активист. Он говорит всем:

«Зачем готовите гробы? Или полагаете, что этот свет наш, а тот — будет вашим? Упреждаю, что тот свет будет организован по одному началу с этим: деваться вам некуда. Хотите живите, хотите кончайтесь».

Около Активиста труба громкоговорителя. Активист включает радио. Труба начинает играть. Активист же дирижирует звуками. Мужики разбредаются по Организационному Двору, соблюдая некоторый такт, соответственно музыке и движению дирижирующих рук Активиста. Одни крестьяне подбирают палочки и соломинки и складывают их в кучи среди Оргдвора; другие — укрепляют плетни; третьи — просто топчутся. Действие происходит в тумане болот и точно во сне всех действующих. Середняк мнет глину ногами в углу Оргдвора. Белые глаза его равнодушны и почти мертвы.

Активист прекращает управление радиомызыкой.

Мужики враз замирают на своих местах.

«Снабжение Энтузиазмом закончено».

Активист делает жест всеобщего устранения. Крестьяне оставляют Оргдвор. Середняк снова на дамбе и глядит в даль.

«В ожидании спуска дальнейших директив».

Готовые гробы. Крестьяне волокут с улицы во дворы: ставят их в глушь бурьяна и ложатся в них.

Середняк стоит один на высоте дамбы вдали. Активист выходит на крыльцо Оргдвора и глядит на сторожевого Середняка в бинокль.

Общий скотный двор. Беспризорными стоят десять—двадцать лошадей. Они ржут без пищи и питья и оглядываются в мучении. Затем идут всем табуном на водопой. Возвращаясь с водопоя, выдирают зубами солому из крыш, рвут траву по дороге, собирают отдельные пучки сена — и все это несут в зубах на общий скотный двор. Здесь они сваливают весь самовольно собранный корм в кучу и только теперь начинают коллективно есть.

* Съемку вести в пойме р. Тихой Сосны, близ г.г. Острогжска и Коротояка, Центр. Чернозем. Область.

Деревенская площадь. На ней собралась стая грачей. Стая поднялась и улетела.

Плетень. На плетне воробьи. Они также поднимаются и улетают вдаль — за колхозную деревню.

Колея дороги на выезде из деревни. По этой колее ползет длинная череда тараканов, покидающих колхоз.

Активист идет по пустынному колхозу. В руках у него бумажные таблички и номерки. Активист входит во дворы и избы. В одном дворе он видит бочку. Прикрепляет к ней бумажку с надписью: «Бочка № 49. Емкость 200 литров». Подходит к плетню. Вешает на него тоже ярлычок: «Временная единоличная огорожа № 73. На учете топливного утиля».

Видит петуха, поглядывающего на Активиста из-за лопуха. Бросается на петуха. Петух бежит от Активиста. Активист мчится за петухом через дворы, плетни и гумна. Петух взлетает и летит как форменная птица. Активист глядит на полет петуха в бинокль.

Активист входит в избу. Внутренность избы — голая и чистая, как больница. На лавках лежат женщина, мальчик и крестьянин: все вниз лицом и совершенно неподвижны. На стене — обычные часы с маятником и гирями. Маятник не качается, часы стоят. Активист глядит на часы. Пускает их в ход, покачнув маятник своей рукой. Маятник, сделав несколько ходов, вновь останавливается. Активист выходит из избы.

Со середины улицы Активист глядит на сторожевого Средняка, что стоит на дамбе.

К Активисту подходит истомленный, еле одетый человек — бедняк Кузьма.

Активист говорит ему, не отрывая взора от бинокля:

«Беги в луга и ликвидируй там петуха».

Кузьма делает ему удар в ухо. Но сытый, твердый Активист не чувствует боли, т.к. удар истомленного человека слишком слаб и бессилен. Этот бедняк Кузьма сам зашатался от своего напряжения, тогда как Активист остался неподвижен. Кузьма ложится в дорожный прах.

«Где же ты, партия?»

Средняк машет с дамбы руками. Активист трогается в направлении — на дамбу. Кузьма подымается и идет за ним.

Вдалеке виден быстро мчащийся паровоз. Показать работающий паровоз вблизи — на всем ходу. Паровоз не окрашен, на цилиндрах нет покрышек — смазочные трубки обнажены; вообще — многие внутренности паровоза наружи, как обычно бывает на паровозах, вышедших из капитального ремонта и работающих для испытания. На тендере паровоза написано крупно мелом: «Проба».

Из окна паровоза выглядывает машинист, тот самый, что был раньше на электростанции. Он видит вдалеке, на линии, человека — Средняка. Машинист дает долгий свисток. Средняк не уходит с рельсов. Паровоз уже почти настигает его. За Средняком виден тупик — деревянный упор. Машинист резко закрывает пар и поводит ручкой автоматического тормоза до отказа. Средняк мчится от паровоза прямо по линии, между рельсов, не соображая, что надо оставить путь в сторону. Лицо Средняка не выражает испуга — он бежит автоматически и наблюдает опустевшими, ясными глазами окружающий солнечный мир.

Тормозные колодки паровоза настолько сильно сжимают колеса, что из-под колодок брызжет огонь. Колеса перестают вращаться. Паровоз проползает несколько метров юзом и останавливается. Средняк садится на деревянный упор тупика и глядит на паровоз.

Активист и бедняк Кузьма взбираются по насыпи к паровозу. Машинист сходит с паровоза.

Активист спрашивает у машиниста сумку с директивами. Машинист не понимает. Активист назойливо требует, — он вынимает карандаш, чтобы расписаться в получении документов.

Машинист вытирает руки паклей. Чтобы отвязаться от Активиста, он проводит по лицу Активиста грязной паклей. Активист молча утирается.

Кузьма просится на паровоз. Средняк стоит тут же, но не смеет ничего сказать. Кузьма входит на паровоз. Паровоз уезжает задним ходом.

Активист и Средняк уходят на колхоз.

Средняк доходит до своего дома. Входит в избу. В избе его висят остановившиеся часы и лежит старик с обомлевшим лицом. Средняк берет лукошко с печки, выходит во двор и посыпает мусор из лукошка по земле, как раньше он посыпал зерно курам. Но никакой птицы нет. Солнце пустынно освещает дворовую землю. Тогда Средняк прислоняется к молодому деревцу, — и так стоит. Но с улицы поверх плетня на него смотрит лицо Активиста. Активист показывает ему жестом головы и руки, что деревцо надо вырвать.

Средняк целует ствол дерева, затем изымает его с корнем из земли и несет Активисту. Активист направляется по улице. Средняк идет за ним с деревцем на плечах. Оба они входят на Организационный Двор, и Активист показывает место у крыльца, где нужно вновь посадить это дерево. Средняк бездумными медленными руками начинает рыть яму для корня.

От одного края колхоза начинается болото. Среди болота виден плот. На плоту — люди и костры. Из крайней одной хаты медленно выходит тучный рыхлый крестьянин; одет он плохо и на лицо худ.

Активист выглядывает из ворот Оргдвора и замечает тучного мужика. Активист постепенно достигает его.

«Ты чего не являлся на раскулачивание? Ты отчего не выселился?»

Тучный крестьянин устало глядит на Активиста.

«Я ж тихий бедняк!»

Активист пробует рукой живот этого крестьянина.

«А отчего ты тучный?»

Бедняк поднимает рубаху на своем животе.

«Это не жир, а старость — у меня водянка и я вскоре скончаюсь!»

Активист берет готовый гроб, что стоит прислоненный к соседней избе. Затем Активист вынимает свисток и свистит в него. Из Оргдвора выглядывает Середняк. Активист показывает Середняку на гроб и на плот, который виден на болоте. Середняк заспешил куда-то с Оргдвора.

Середняк подводит лошадь к пустому гробу. Привязывает лошадь упрощенным способом к гробу.

Активист сажает тучного мужика в гроб и трогает лошадь в воду.

Тучный бедняк кричит в пространство из гроба:

«Где ты, Козьма! Я же сырой, бедняк, и не кулацкий класс!»

Лошадь без сопровождения поволокла гроб по болотной мели — в направлении видимого плота. Тучный бедняк еще кричит оттуда что-то, но Активист смотрит на него в бинокль, и бедняк прячет лицо внутрь гроба, боясь вылезти из него.

«Раз ты тучный, то езжай на плот в кулацкий класс! Бедняк пухлым быть не должен».

Лошадь уволакивает гроб с бедняком. Активист и Середняк стоят на болотном берегу.

Паровоз едет по дамбе, лежащей поперек заболоченной долины. Кузьма и машинист глядят из окна на болота. Кузьма показывает рукой на всю окрестность.

«Когда я был мальчишкой, кулаки на великие деньги продали землю инженер-буржуйам¹ под эту дамбу. А река загородилась и умерла — и стали мы гибнуть в болотах. Но теперь мы кулаков посадили на бревна и отправили жить на середину болот!»

Паровоз переходит на главный путь и исчезает с полным паром.

Активист сидит на берегу и смотрит в даль болот. Середняк неподвижно стоит окло него, опустив руки. К берегу приближается лошадь. Она волочит обратно по болотной мели пустой гроб.

В гроб садятся Активист и Середняк. Лошадь волочит их на Организационный Двор. Активист входит на крыльцо дома, что на Оргдворе, и протяжно свистит в свой свисток.

Из гробов, поставленных в бурьян на разных дворах, поднимаются равнодушные мужики и бредут к Оргдвору.

Собрание на Оргдворе. Стоят несколько десятков крестьян против крыльца. Активист включает радио. Прислушивается. Выключает.

«Оно играет не то. Я вам сейчас сыграю на губах Организационный танец, а вы пляшите под него всем темпом своих туловищ».

Видно, как уста Активиста играют танец. Мужики с мертвыми лицами топчутся по-лошадиному. Активист перестает играть. Он недоволен.

«Темпу больше, а то раскулачу!»

Мужики танцуют и кружатся несколько быстрее. В общем танце мужики обертываются лицами в противоположную от Активиста сторону. Активист кричит им:

«Взором ко мне!»

Крестьяне враз оборачиваются к нему. Все лица танцующих покрыты слезами.

Активист замечает это.

«Ликвидировать кулацкое настроение!»

Слезы на всех лицах моментально обсыхают — и мужики усиленно организуют радость и улыбку на своих лицах.

Паровоз въезжает в ворота паровозоремонтного завода.

Паровоз останавливается. С паровоза сходят машинист и Кузьма.

Партийный комитет завода. Машинист и Кузьма входят в дверь Комитета. В Комитете заседание. Все члены Комитета — простые рабочие. Машинист просит, чтобы Комитет дал Кузьме право сказать свое слово. Большевики соглашаются. Кузьма садится на стул посреди комнаты.

Телефон звонит. Секретарь Комитета слушает телефон. Он говорит затем:
«Через полчаса общее собрание. Сейчас явится Секретарь Обкома».

Общее собрание рабочих завода в цехе. На трибуне Кузьма. Он говорит наглядно. Представляет Активиста. Показывает омертвевший образ Середняка и т.д.

Уже темнеет. Ночь. Тот же паровоз стоит близь цеха. Кочегар бросает уголь в топку. Машинист, Кузьма и еще десять—пятнадцать мастеровых выходят из цеха. Влезает на паровоз. Паровоз сразу берет хороший ход. Выезжает за ворота завода. Около ворот стоит с узелком невеста машиниста. Она видит машиниста и кричит ему. Машинист машет ей рукой приветствие, но паровоз уходит все более быстро. Машинист снимает фуражку и бросает ее своей невесте! Девушка подбирает фуражку и стоит с ней и своим узелком. Задний фонарь паровоза уменьшается и делается вовсе невидимым. Паровоз исчез.

Ночь. На высоком шесте горит красный фонарь над колхозом. Дальше — над кулацким плотом — горит фонарь желтый.

Оргдвор. Среди Оргдвора стол. На столе большая плошка, в которой горит сало. За столом сидит Активист и пишет ведомость. Ночной ветер колеблет листы его ведомости.

Середняк проходит мимо Оргдвора и стучит сторожевой колотушкой.

По железнодорожной дамбе, которой сейчас не видно, мчатся три огня паровоза. Огни летят выше уровня колхоза и земли, в полной тьме — точно по небу.

Активист слышит шум какого-то движения и смотрит на небо. На небе звезды. Активист склоняется над ведомостью и снова пишет. Огонь в плошке колеблется.

Активист трудится с крайним усердием и углубленностью. Он не слышит, как к нему подходят Кузьма и машинист. Кузьма без всякого предупреждения делает Активисту удар в голову, но попадает только косвенно, почти промахивается, и сам падает на землю от своего измождения. Машинист тогда бьет Активиста ровным ударом в лоб. Активист валится, но во время падения выхватывает револьвер и стреляет вверх. Освещенный паровоз стоит на дамбе. После выстрела с паровоза раздается тревожный, длинный гудок: видна струя пара, бьющая из сирены.

Поднявшись, Активист видит, что на Оргдворе, кроме машиниста и Активиста (очевидно, Кузьмы. — Н.К.), стоят десять—двенадцать рабочих. Он смотрит на дамбу. Там гудит паровоз.

Активист прыгает через плетень. Рабочие оставляют его без внимания. Активист подбегает к берегу болота и бежит по воде по направлению к кулацкому плоту, над которым горит желтый фонарь.

По темным дворам мужики поднимаются из гробов. Лошади прыгают с общественного скотного двора табуном. Люди и лошади идут на Оргдвор. Позади всех шествует петух — тот, который некогда улетел от Активиста.

Кузьма, машинист и все прибывшие рабочие сидят за столом. Их окружают крестьяне и лошади.

Утренний рассвет. Около дамбы находится все население колхоза: крестьяне, лошади, петух, воробьи, старики, несколько женщин и т.д.

Все рабочие и машинист входят на паровоз. Кузьма остается в колхозе. Он новый председатель колхоза. Паровоз дает продолжительный гудок и отъезжает. Все население колхоза бежит вслед паровозу, но паровоз уже скрывается на полном ходу.

Паровозоремонтный з-д. Главные ворота. На воротах громадный плакат:

«Товарищи! Сегодня начинается сверхурочный добровольный труд для постройки землечерпательной машины, чтобы осушить болота в подшефном колхозе имени Генеральной Линии».

Машинный зал электростанции.

Входит машинист. Дежурный машинист передает нашему машинисту свою работу. Машинист расписывается в книге.

Котельная. Кочегар тянет рычаг гудка.

Гудок: конец рабочего дня. Открываются проходные будки. Из будок никто не выходит. Один мастеровой подошел к доске с номерами. Вешает свой номер. Сторож глядит на него — и смеется. Мастеровой снимает свой номер назад и уходит обратно в цех. Новый гудок к началу работы. Проходные будок закрываются.

Машинист нажимает кнопку. В котельной на котле зажигается красная лампа с табличкой: «держать предельное напряжение».

Из-под щеток коллекторов бьют искры и молнии. Машинист, как прежде, начинает борьбу с перегруженными машинами. Он трет коллекторы наждаком. Плюет на корпус машины. Слюни кипят. Он снимает рубашку. Мочит ее под краном. Выжимает из нее лишнюю воду. Потом

накладывает влажную рубашку на корпус машины. От рубашки идет пар. Так же поступает машинист со штанами и с нижним бельем. Всей своей одеждой, намоченной и влажной, он покрывает горячие машины. Сам остается голый. Лишь через чресла обвязывает себя веревкой.

В машинный зал входит девушка — невеста машиниста. Она лучше, чем прежде, одета и не имеет в руках узелка с едой.

«Я тебе ничего не принесла: принесу, когда социализм настанет».

Машинист рассеянно глядит на нее, потому что все время чутко слушает работу машин.

«Ладно, Маша. Как социализм доделаем, так я тебя враз полюблю. А ты пока пойди походи».

Маша стоит и плачет. Машинист целует ее и, обернувшись, плюет на свою рубашку, лежащую на машине.

Рубашка тлеет. Сплюнутая влага вскипает. Девушка уходит. С порога оборачивает свое плачущее лицо.

«У Карла Маркса жена была, у Ленина была,
а у тебя все нет и нет».

Машинист озадачен. Но машины дымятся. Он вновь мочит свою одежду, выжимает ее и расстилает по корпусам машин.

«Проходит месяц».

Едут товарные платформы. На платформе ящики с частями машин. На ящиках написано «Экскаватор. В колхоз Генеральная Линия». На одной платформе сидят машинист и пятеро мастеровых.

«И еще проходит неделя».

Плавающий экскаватор стоит собранный на воде. Труба его дымит. Ковш поднят.

Лето. Высокий день. Чаща осоки, кустарника и болотная топь окружают экскаватор с трех сторон. Экскаватор поворачивается рабочей стороной к заросшему болоту. Ковш опускается под воду. Ковш извлекает грунт и относит его в сторону.

Экскаватор врывается в болотную чащу. Его ковш корчует чащобу, заросли, рвет из-под воды залежалые деревья, мечет грунт. Машины экскаватора работают ураганным темпом. При больших напряжениях, когда ковш экскаватора цепляет под водой глубокие корни, понтон экскаватора накрывается, через него хлещет вода. Тысячи лягушек, спасаясь, бросаются на экскаватор; другие тысячи их облепляют грунт берегов роемого канала. Вода мутными потоками кружится вокруг напряженной, трепещущей машины. Как трактор борозду, машина роет новую реку. Среди вечной неподвижной девственности, в окружении диких прекрасных цветов — экскаватор рвет землю и поднимает сверху железной рукой букеты подводных нежных растений, а затем бросает их прочь. Машинист, облитый маслом и потом, с радостной яростью работает рычагами управления.

Позади экскаватора уже образовалось прямое и точное русло новой реки. Экскаватор работает дальше — вперед, окутанный дымом и паром.

Болото близь колхоза. Под руководством Кузьмы все члены колхоза работают по живот в воде. Колхоз роет лопатами подводный грунт и накладывает его в корзины бабам, которые выносят грунт в корзинах на берег. Грунт — жидкий; по женщинам, когда они уносят корзины, течет грязь. Мужики, роющиеся в болотной жиже, тоже все в грязи. Заросли рвут руками. Миллионы комаров и мух неподвижными тучами стоят над тружениками. Бабы ходят с корзинами из болота на берег и возвращаются обратно. Колхозники копают. Они потеют даже в воде: сальные пятна слившегося пота блестят на их голых телах.

Колхоз углубляет русло по направлению к далекой непроходимой чаще, что стоит стеной вдалеке.

Из-за той чащи показывается дым работающего экскаватора.

Весь водяной колхоз обращается взором в то направление.

Кузьма выходит на берег. За ним выходят все.

Экскаватор бьется уже в последней болотной чаще — от колхоза отделяет его уже небольшое пространство негустого болота.

Кузьма уводит всю артель в деревню.

Колхоз. По улице ходят куры. Горой лежат пустые гробы. Кузьма входит в избу. Висят остановившиеся часы. Кузьма толкает маятник. Часы идут. С пола на стену поднимаются тараканы. Кузьма моет руки, достает из сундука чистую рубашку.

Улица колхоза. Бабы и мужики вышли из изб со свежей одеждой и переодеваются на воздухе.

Экскаватор уже пробился сквозь чащу и работает на виду колхоза, оставляя за собой след в виде новой, геометрически точной реки.

Экскаватор приближается к берегу колхоза.

По берегу к остановившемуся экскаватору идет колхоз. Впереди шествия флаг. Близь флага -- Кузьма. Под флагом два колхозника несут на носилках рупор радиогромкоговорителя и принадлежности для радиоприема. Задние несут на шестах антенну. Баба волочит по береговой воде провод заземления. Позади колхозных людей идут общие лошади, Петух, Грачи, Воробьи и одна Собака.

Шествие останавливается на берегу против экскаватора. Кузьма пускает радио. Радио играет музыку. Все члены колхоза дирижируют руками в такт музыке. Экскаватор дает гудок. Ковш опускается под воду. Ковш поднимается, наполненный грунтом. Ковш относится в сторону и стружает подводный грунт на берег. Движения машины сложные и сознательны.

Середняк находится близ Кузьмы. Он поет от оживления и движется на месте:

«Чня ж теперь машина?»

Машинист отвечает с борта экскаватора:

«Ваша».

Услышав это, весь колхоз в новой одежде с берега бросается в воду. Достигнув экскаватора, люди хватаются за него и с жадностью держатся за причальные брусья. Лошади также подходят вброд к машине. Петух перелетает воду и садится на площадку понтона.

Колхозники влезают на экскаватор. Трогают детали машины, гладят железо, глотают слюны от жадности к новой собственности. Кузьма и Середняк обнимают котел.

Середняк наклоняется ртом с борта, моет губы, вытирает их начисто исподней рубахой и подходит к машинисту. Целует машиниста.

«Мы уже теперь в колхозе не расстанемся. От такого имущества у нас будет покладная общая душа!»²

Некоторые колхозники пошли и поплыли в даль — по новому каналу.

Из деревни в канал ручьями тронулась стоячая дотоле вода.

Машинист бросается в одежде в новый канал, чтобы вымыться.

Станция железной дороги — недалеко от колхоза. К станции подходит пассажирский поезд. С поезда сходят несколько рабочих семей с паровозоремонтного завода. Невеста машиниста, празднично одетая, также сходит с поезда. Ее сопровождает молодой человек — ее новый жених.

Снова экскаватор. Середняк, Кузьма и машинист пляшут на понтоне под аккомпанемент прерывистого гудка, рукоять которого дергает один мастеровой.

На берегу появляются люди с поезда. Бывшая невеста машиниста идет под руку со своим женихом.

Для приезжих с экскаватора на берег выкладывается мостик.

Плот с классом кулаков. Меж ними несколько бедняков, в том числе Тучный бедняк, а также Активист. Они видят экскаватор и происшествия на нем. Жердями они подталкивают плот в направлении экскаватора, пробираясь сквозь болотные заросли.

На понтоне экскаватора совершается свидание семей рабочих с колхозниками. Бывшая невеста машиниста представляет ему своего жениха:

«Это мой будущий муж».

Машинист радостно пожимает руку этому мужу:

«Здравствуй. Значит, ты с ней будешь работать в котел нашего класса: все равно!»

Кузьма отзывает машиниста к котлу экскаватора и открывает дверцу топки: там погасает огонь.

Но колхозные ребята под командой Середняка уже подволокли к экскаватору поезд связанных между собой пустых гробов. Гробы раскальваются и идут в топку экскаватора.

К экскаватору подплывает кулацкий плот. Машина сифонит — из дымовой трубы вырываются языки огня.

Машинист и колхозники глядят на кулацкий плот. Кулаки глядят на экскаватор.

Машинист обращается: «Вы кто?»

Кулак отвечает с плота: «Мы — как класс».

Машинист пускает в ход экскаватор. Ковш приближается к плоту, цепляет его за край и волочит вокруг экскаватора — из камышей на чистый поток. Тучный бедняк кричит с плота. Кузьма объясняет машинисту. Машинист освобождает ковш от плота и приспускает ковш к Тучному бедняку. Бедняк забирается в ковш; с ним садятся еще двое бедняков. Кроме них, за борт ковша уцепился Активист.

Ковш поднимается над водой. Затем останавливается в воздухе. Машинист двигает одним из рычагов, ковш сотрясается, Активист падает в воду. Трех бедняков ковш опускает на берег.

Затем ковш энергично подталкивает плот вперед; плот увлекается течением потока и уплывает в даль, в вечерний сумрак. Девушка подходит к машинисту:

«А если б я стала ждать тебя?»

Машинист думает.

«Зачем? Твой жених тоже мастеровой, и мне еще много надо земли рыть».

Невеста опускает голову.

Середняк подходит к ней:

«Записывайся к нам в колхозные матеря!»

Девушка глядит на Середняка, на машиниста и своего жениха (простого мастерового) и легко улыбается.

Трое людей — Машинист, Жених и Середняк — склоняются к лицу девушки и одновременно целуют ее. Кузьма тоже пытается пролезть между склонившимися туловищами — для дачи своего поцелуя, — но не управляется.

(Обращаю внимание, что этот поцелуй качественно другой, чем знаменитый концевочный поцелуй. Если постановщикам сделать этот поцелуй качественно другим не удастся — тогда не делать поцелуя вовсе. Задача в том, чтобы поднять «поцелуй» из позора и сделать его свежим социально <действенным — *нрзб*> явлением³.)

ЦГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 95, л. 5—36; автограф (школьная тетрадь).

На первых страницах тетради — письмо Платонова в сценарный отдел фабрики «Совкино». Из письма следует, что писатель сдаст в сценарный отдел либретто, а сам текст сценария будет развернут после решения вопроса о съемках фильма. В архиве Московской фабрики «Совкино» следы «Машиниста» не обнаружены; однако в ее планах есть два платоновских названия: «Епифанские шлюзы» и «Песчаная учительница» (ЦГАЛИ, ф. 2498, оп. 1, ед. хр. 26, л. 41; ед. хр. 28, л. 103). Примечателен и тот факт, что среди машинописей, оборотные стороны которых писатель использовал в качестве бумаги для рукописи «Котлована», находятся и листы киносценария «Песчаная учительница», все три экземпляра письма в «Совкино» о «Машинисте», очерк «Огни Волховстроя». История создания «Машиниста» открывает тот перекресток, где в 1929 году произошла встреча проектов инженера и мелиоратора Платонова с социально-политическими установками года «великого перелома». В письме в сценарный отдел Платонов указывал место возможной съемки фильма «Машинист»: «пойма р. Тихой Сосны, между г. г. Острогосжом и Коротояком (120 км от г. Воронежжа...)» в этом же месте работает экскаватор (л. 3). Эта субто техническая деталь письма автобиографична: в январе 1926 года губернский мелиоратор А. Платонов подписал договор с Ленинградской технической конторой на ремонт паровой лопаты, строительство понтона и подготовку экскаватора (ЦГАЛИ, ф. 2124, оп. 2, ед. хр. 3, л. 7). В очерке «Огни Волховстроя» Платонов описал картину преобразования «болот» в «проспекты» и собственную деятельность по возвращению к жизни «умирающих рек»: «Для работы по урегулированию рек в Воронежской губернии Губземуправлению потребовались экскаваторы... Дело это новое, поэтому для ознакомления с работой экскаваторов я поехал предварительно на Волховстрой и оттуда на заводы Ленинграда для заключения договора на изготовление экскаватора» («Воронежская коммуна», 1925, № 1). Оставил свидетельство о деятельности Платонова этого времени В. Шкловский, совершивший агитполет в Воронежскую губернию в 1925 году: «Еще здесь прочищают реки, выпрямляют их, спускают болота и сыплют на землю известь, чтобы поля не были кислыми. Так прочистили Тихую Сосну. Товарищ Платонов очень занят. Пустыня наступает. Вода уходит под землю и там течет в больших подземных реках» (Ш к л о в с к и й В. Третья фабрика. М. 1926, стр. 125). Судьба Тихой Сосны продолжает волновать Платонова и в Москве, где уже известный в литературных кругах писатель продолжает сотрудничать с Наркомземом РСФСР. Свидетельство тому — сохранившаяся служебная записка Платонова начала 1929 года «Характер отложений, слагающих пойму реки Тихая Сосна» и наброски к очерку о мелиоративных работах на этой реке. Вот только некоторые из записей — жесткий социально-экономический анализ экологической обстановки в районе многоотрадной реки: «... Заболочено 20 тыс. га. Стоимость речного осушения» 20 р. максимумом на 1 га. «... 666 т/д (трудодней. — Н. К.) уже затрачено (на 1928...). «... Почвы долины» Тихой Сосны, обогащаемые ежегодными наносами черноземных водоразделов (ил, далювиальные сносы), очень богаты, особо благоприятны для луговых растений и для огородных культур. При этом все почвы богаты известковыми солями. «... За 15 лет пойменные леса Тихой Сосны» ухудшились так: понижение пророста, верба выжила ольху, суховершинность. «... Все жители поймы больны малярией». 100%; но долина Тихой Сосны — центр округа — край в промышленном отношении» (ЦГАЛИ, ф. 2124, оп. 2, ед. хр. 8, л. 6). Среди материалов к очерку сохранились и записки Платонова, сделанные, очевидно, уже в ноябре—декабре 1929 года, после исторического ноябрьского пленума ЦК ВКП(б), одним из решений которого было направление в деревню 25 тысяч рабочих: «Энтузиаст-давило. Энтузиаст действительный. «... Богатая луговая» долина. Бедные деревни. Постройка дамбы поперек долины. Река умирает. Луга уничтожаются. Деревни нищают. Скот дохнет. Продукция нет. Город строится. Очереди у магазинов. «... Партия мобилизует рабочих в деревню» (там же, л. 5). Последняя запись жирно отчеркнута и обведена Платоновым. Это уже не просто будущий социальный каркас «Котлована». Писатель как бы развернул в набросках к очерку две программы: программу культурного возрождения земли и человека и программу социально-политических преобразований деревни. Именно работа над этим очерком шла параллельно с работой над сценарием «Машиниста». Завершенный текст очерка в доступных нам архивах не обнаружен. Неизвестна и сценарная судьба «Машиниста». Возможно, окончив в декабре 1929 года сценарий «Машиниста», Платонов использовал этот текст в работе над «Котлованом». Форма киносценария стала важным этапом в поиске ритма повести: в рукописи «Котлована» писатель с особой тщательностью следил за пропусками между частями повести, своеобразными кадрами немого кино. Думается, что и название колхоза «Генеральная Линия» в «Машинисте» и «Котловане» — это не только социально-политическая, но и кинематографическая аллюзия из жизни 1929 года: фильм С. Эйзенштейна «Генеральная линия», о котором с конца 1926 года постоянно сообщала пресса, вышел на экраны в 1929 году (под названием «Старое и новое»). Многие эстетические реалии этого фильма присутствуют и в платоновском «Машинисте». Так, главной героине фильма С. Эйзенштейна (колхознице-ударнице Марфе) в сценарии Платонова противостоит девушка Маша, мечтающая выйти замуж еще до наступления социализма. Отсылает к фильму «Старое и новое» и сцена своеобразного оголения машиниста ради спасения машины: в фильме так же поступает Марфа, снимающая свой единственный наряд, кружевную нижнюю юбку, чтобы протереть сломавшийся трактор.

¹ *Инженер-буржуй* — первоначально в рукописи «буржуй»; добавлением Платонов вносил современный политический аспект содержания, связанный с шахтинским процессом 1928 года.

² *Мы уже теперь в колхозе не расстанемся.* — Над этим кульминационным «словом» коллективного героя писатель особенно долго работал в рукописи, дав несколько его вариантов: «А мы думали — отчего у нас душа пропала!.. А это у нас товарищ Активист имущество взял да испортил, и мы испортились»; «У нас душа явилась от такого имущества. А то товарищ Активист забрал все сквозь и [нрзб] испортил, и нам стало пусто жить. Мы говорим болото, а он нам — даешь, говорит, сплошь, а то сам возьму»; «Ведь теперь вода опустится, луга высохнут, и наш колхоз очутится на бугре радости!»; «Мы уж теперь расстаться не можем, иначе машина пропадет, а без нее нам — мокро станет» (л. 31—32 автографа).

³ Финальная сцена «коллективного поцелуя» дописана Платоновым после первоначального финала. Это своеобразная авторская пародия на концепцию «живого человека» РАППа, которая была в центре литературных дискуссий 1928—1929 годов.

«О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ТРАГЕДИИ»

Надо не высовываться и не упиваться жизнью: наше время лучше и серьезней, чем блаженное наслаждение. Всякий упивающийся обязательно попадает и гибнет, как мышонок, который лезет в мышеловку, чтобы «упиться» салом на приманке. Кругом нас много сала, но каждый кусок на приманке. Надо быть в рядах обыкновенных людей терпеливой социалистической работы¹, больше ничего.

Этому настроению и сознанию соответствует устройство природы. Она не велика и не обильна². Или так жестко устроена, что свое обилие и величие не отдавала еще никому³. Это и хорошо, иначе — в историческом времени — всю природу давно бы разворовали, растратили, проели, упились бы ею до самых ее костей: аппетита всегда хватило бы. Достаточно, чтобы физический мир не имел одного своего закона, правда, основного закона — диалектики, и в самые немногие века мир был бы уничтожен людьми начисто. Больше того, и без людей в таком случае природа истребилась бы сама по себе вдребезги. Диалектика наверно есть выражение скупости, трудно оборимой жесткости конструкции природы, и лишь благодаря этому стало возможно историческое воспитание человечества. А то бы все давно кончилось на земле, как игра ребенка с конфетами, которые растаяли в его руках, и он не успел их даже съесть.

В чем же истина современной нам исторической картины?

Конечно, эта картина трагична, — уже потому, что действительная историческая работа совершается не на всей земле, а только на меньшей ее части с огромной перегрузкой.

Истина, по-моему, в том, что «техника... решает все»⁴. Техника это и есть сюжет современной исторической трагедии, понимая под техникой не один комплекс искусственных орудий производства, а и организацию общества, обособленную техникой производства, и даже идеологию. Идеология, между прочим, находится не в надстройке, не на «высоте», а внутри, в середине общественного чувства общества⁵. Точнее говоря, в технику надо включить и самого техника — человека, чтобы не получилось чугунного понимания вопроса.

Между техникой и природой трагическая ситуация. Цель техники — «дайте мне точку опоры, я переверну мир»⁶. А конструкция природы такова, что она не любит, когда ее обыгрывают: мир перевернуть можно, подобрав нужные моменты рычага, однако надо проиграть в пути и во времени хода длинного рычага столько, что практически победа будет бесполезной. Это элементарный эпизод диалектики. Возьмем современный факт: расщепление атомного ядра. То же самое. Настанет всемирный час, когда мы, затратив на разрушение атома П-количество энергии, получим в результате П+1 и этим убогим добавком будем так довольны, потому что он, абсолютный выигрыш, получен в результате как бы искусственного изменения самого принципа природы, т. е. диалектики. Природа держится замкнуто, она способна работать лишь так на так, даже с надбавкой в свою пользу, а техника напрягается сделать наоборот. Внешний мир защищен против нас диалектикой. Поэтому, пусть это кажется парадоксом: диалектика природы есть наибольшее сопротивление для техники и враг челове-

чества. Техника задумана и работает в опровержение или в смягчение диалектики. Удастся ей пока это скромно, и поэтому мир для нас добрым быть еще не может.

Одновременно лишь диалектика является единственным нашим наставником и средством против ранней, бессмысленной гибели в детском наслаждении. Так же, как она же явилась силой, создавшей всю технику.

В социологии, в любви, в глубине человека диалектика действует столь же неизменно. Мужчина, имевший десятилетнего сына, оставил его с матерью, а сам женился на красавице. Ребенок затосковал по отцу и терпеливо, неумело повесился. Грамм наслаждения на одном конце уравновесился тонной могильной земли на другом. Отец взял с шеи ребенка бечеву и вскоре ушел за ним вслед, в могилу. Он хотел упиться невинной красавицей, он любовь хотел нести не как повинность с одной женой, а как удовольствие. Не упивайся — или умирай⁷.

Некоторые наивные могут возразить: современный кризис производства опровергает такую точку зрения. Ничего не опровергает⁸. Представьте сложнейшую арматуру общества современного империализма и фашизма, истощающее измождение, уничтожение тамошнего человека, и станет ясно, за счет чего достигнуто увеличение производительных сил. Самоистребление в фашизме, война государств — есть потери высокого производства и отмщение за него⁹. Трагический узел разрубается, не разрешаясь. В классическом смысле трагедии даже не получается. Мир без СССР несомненно уничтожился бы сам собою в течение одного ближайшего века.

Трагедия человека, вооруженного машиной и сердцем, и диалектикой природы должна разрешиться в нашей стране путем социализма. Но надо понимать, что это задание очень серьезно. Древняя жизнь на «поверхности» природы еще могла добывать себе необходимое¹⁰ из отходов и извержений стихийных сил и веществ. Но мы лезем внутрь мира, а он давит нас¹¹ в ответ с равнозначной силой.

Статья «О социалистической трагедии» публикуется по рукописному оригиналу. Машинописный текст статьи хранится в архиве М. А. Платоновой и в архиве М. Горького (ИМЛИ имени А. М. Горького). Впервые эта статья Платонова упоминается и анализируется в работе Л. Аннинского «Откровение и сокровение. Горький и Платонов» («Литературное обозрение», 1989, № 9, стр. 14—16). Статья предназначалась для горьковского издания «Записных книжек», своеобразного приложения к фундаментальному коллективному труду писателей «Две пятiletки» (в домашнем архиве сохранилось письмо Платонова в редакцию «Записных книжек»). Статья «О социалистической трагедии» является в творчестве Платонова середины 30-х годов своеобразным философско-культурологическим метатекстом неопубликованных повестей Платонова первой половины 30-х годов («Ювенильное море», «Хлеб и чтение», «Инженеры», «Джан»). Статья также приоткрывает лабораторию работы писателя над романом «Счастливая Москва». В комментарии предлагается анализ авторской правки Платонова 1934 года перед отсылкой статьи М. Горькому.

¹ *Надо быть в рядах обыкновенных людей терпеливой социалистической работы...* — Первоначально в рукописи: «людей одной и общей цели». Правка отражает отход от вульгарно-социологического варианта, восстанавливая логику эстетической позиции начала 30-х годов, наиболее последовательно выраженную писателем в статье «Великая Глухая»: «...писатель не может далее оставаться лишь профессионалом одного своего дела: он должен вмешиваться в самое строительство, он должен стать рядовым участником его (...)».

² *Она не велика и не обильна.* — Ср. с «Епифанскими шлюзами» (1926), где выражена классическая для русской культуры модель мироотношения: «Сколь разумны чудеса природы... Своль обильна сокровенность пространств. (...) Натура в сих местах обильна...» Слом этой классической модели в статье подчеркнут открытой аллюзией ее фундаментальных историко-культурных источников: «Летописи» Нестора («Вся земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет»), «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина («...земля наша велика и обильна...»).

³ *...свое обилие и величие не отдавала еще никому.* — Ср. со статьей Платонова «Культура пролетариата» (1920), где жестко были обозначены последствия обезбоживания мира для взаимоотношения человека и природы: «...верхом на истину человеку еще рано садиться, он этого не заработал, а скупа природа на оплату труда, нет хозяина».

⁴ *...техника... решает все* — из речи И. Сталина на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 года. За этим лозунгом-тезисом

стояла и развернутая программа технократизации культуры: «Максимум в десять лет мы должны пробежать то расстояние, на которое мы отстали от передовых стран капитализма. (...) Пора покончить с гнилой установкой невмешательства в производство. Пора усвоить другую, новую, соответствующую нынешнему периоду установку: *вмешиваться во все*» (С т а л и н И. Собрание сочинений, т. 13, стр. 41). Глубинные пласты диалога с этой концепцией заложены уже в повести «Ювенильное море» (1932).

⁵ ...а внутри, в середине общественного чувства общества.— Первоначально в рукописи: «...в сердце общества».

⁶ ...дайте мне точку опоры...— аналог приписываемой Архимеду фразы «Дай мне, где стоять, и я сдвину землю» (БСЭ). Ему же принадлежит расчет закона рычага, о чем идет речь у Платонова. Исследование современных аспектов архимедовской традиции занимает большое пространство в романе «Счастливая Москва». Вот только пример иронического контекста, в котором она дается: «Еще Архимед и Александриец Герон ликовали по поводу золотых правил науки, которые обещали широкое блаженство человечеству: ведь одним граммом на неравноплечном рычаге можно поднять тонну, даже целый земной шар, как рассчитывал Архимед. Луначарский же предлагал зажечь новое солнце, если нынешнее окажется недостаточным или вообще надоевшим и некрасивым» (архив М. А. Платоновой).

⁷ Грамм наслаждения на одном кочке уравновесился тонной могильной земли... — Нравственные последствия технократически-архимедовского подхода к жизни прописаны Платоновым в финальной сцене самодуйства ребенка в романе «Счастливая Москва». Инженер Сарториус говорит французской комсомолке Кате Бессонэ, ощутившей свою вину за то, что «заскучал и самостоятельно умер ребенок — в то время, когда она уливалась счастьем с его отцом»: «Вы слышали, что есть золотое правило механики. Некоторые думали посредством этого правила обтегорить целую природу, всю жизнь. Костя Арабов тоже хотел получить с вас, или из вас — как это сказать? — какое-то бесплатное золото. (...) Ну сколько получил — не больше грамма! А на другом конце рычага пришлось нагрузить для равновесия целую тонну могильной земли, какая теперь лежит и давит его ребенка. (...) Не живите никогда по золотому правилу (...) Это безграмотно и несчастно, я инженер и поэтому знаю: природа более серьезна, в ней блата нет...»

⁸ Ничего не опровергает. — После этой фразы в рукописи первоначально следовало: «Техника высокого производства создала империализм». Это и следующее за ним предложение хранят память не опубликованного при жизни Платонова рассказа «Мусорный ветер» (1933), рассказа о гибели человека в западной цивилизации, о природе общества тоталитарного и технократического типа.

⁹ ...война государство — есть... — Первоначально в рукописи: «...есть отмщение, обратная отдача природе того, что у нее». Предложение не дописывается, вычеркивается почти открытая ссылка на мотивировку войны русского философа Н. Ф. Федорова, который считал войну следствием «небратских отношений» человека и мира: «(...) мир идет к своему концу, а человек своей деятельностью даже способствует приближению конца, ибо цивилизация, эксплуатирующая, но не восстанавливающая, не может иметь иного результата, кроме ускорения конца» (Ф е д о р о в Н. Ф. Философия общего дела. Верный. 1906, стр. 209)

¹⁰ ...добывать себе необходимое... — Первоначально в рукописи вместо «необходимое» было написано «счастье». Авторская правка приоткрывает природу рождения платоновских странных сочетаний: «Еще долго тело персянки томилось жизнью, точно непрерывно готовое к счастью» («Такыр»; «бедное, но необходимое наслаждение» («Река Потудань»).

¹¹ ...давит нас... — Первоначально в рукописи: «давит нам душу в ответ», вариант, включающий классическое для русской литературы XIX века содержание последствий цивилизации для человека.

[ПРЕДИСЛОВИЕ]

[Чем можно жить человеку в тюрьме, в одиночном заключении?]

[В тюрьме, в одиночном заключении человек живет лишь заблуждением своего ума или воображением недостижимых для него людей и природы. Но воображение и заблуждение это почти одно и то же, потому что воображать означает способность чувствовать удаленное или неосуществимое, обходиться одной лишь мыслью и чувством, вместо действительности, то есть заблуждаться. И в этом заблуждении Никодим Васильевич Якунин жил уже четырнадцатый год, с того времени, как его водворили после суда в одиночное заключение. В подследственной тюрьме Якунину было свободно и весело, но он уже давно забыл то прошедшее время, и даже свою личную жизнь Якунин стал уже забывать, потому что прожил ее вперед в своем воображении...]

Вначале ему было трудно, и сердце его обмирало каждый раз, когда он просыпался по утрам и вспоминал, что он в тюрьме и что ему здесь предстоит еще жить долгие печальные годы.]

Он смотрел на животных, на растения, на бедных людей, которые копаются на городской свалке, чтобы добывать себе средства на пропитание, и завидовал им. Он завидовал им не потому, что животные, растения и сборщики костей и тряпок /отбросов/ были свободными, а он глядел на них из-за подоконника тюрьмы, — он уже привык жить в тюрьме. Заключенный человек думал, что в тех людях, которые бродят по свалочным кучам на петербургской окраине, в козах, собаках и курах, принадлежащих жителям дощатых, вымокших в сырости климата домиков, даже в редкой побледневшей траве, росшей по кучам отбросов, и во мху есть нечто важное, значительное и таинственное, чего нет в нем самом, в душе и в мысли сидевшего в тюрьме человека. Став ногами на откидной стол под окном, арестант подолгу и жадно глядел в смутный, серый мир свободы за решеткой тюрьмы. Ему казалось, что там что-то было, неизвестное ему; оно было для него всегда неизвестным, даже тогда, когда он сам жил на воле, и он не успел его узнать до тюрьмы, а теперь уже поздно или, может быть, рано еще, — надо сначала выйти отсюда наружу, в траву и в люди, чтобы самому почувствовать все.

Шел последний день сентября месяца, когда под Петербургом смеркается рано. Арестант покинул окно и сел на койку в ожидании ужина — пшенной похлебки и четверти /пол/ фунта хлеба. Он жил в камере один, потому что в камере вся площадь равнялась одной квадратной сажени, и раньше здесь был карцер, — лишь года два назад с окна сняли железный занавес. Тюрьма эта была старой постройки, небольшая по размеру и населению, и, главное, она была с деревянными полами и дровяным, печным отоплением, за что она славилась как теплая и удобная на зиму; сколько в этой тюрьме ни сидело народа, иные люди по много лет, но никто не выходил из нее с ревматизмом, потому что деревянный пол был тепел и покоен для ног. В эту старую петербургскую тюрьму особо важных преступников не сажали; в ней обыкновенно содержались уголовные, а также долголетние бродяги и уличные мошенники — рецидивисты, которые почти каждый год приноравливались зимовать в тюрьме, а с теплом опять выходили вольничать в город. Арестант, думавший о значении жизни внутри других людей, просидел в этой тюрьме уже почти одиннадцать лет, но не враз, а в три срока, и сейчас он сидел третий срок; два раза в эти одиннадцать лет у него было промежуточное время, когда он жил на свободе; однако на воле ему приходилось бывать недолго — в первый раз он прожил без тюрьмы два месяца, а во второй всего четыре дня. На свободе его сердце становилось несдержанным, он начинал жить с излишней силой, точно счастливый, и за это вновь подвергался аресту, суду и возвращению в тюрьму. [Первоначально, тринадцати лет, еще в малолетстве, он был осужден за бродяжничество и по подозрению в ограблении магазина съестных припасов и колониальных товаров, совместно с другими несовершеннолетними преступниками-сиротами, не помнящими родства; по отбытии двухлетнего заключения его отдали в дом трудолюбия, где Никодим должен был научиться плотничьему и столярному ремеслу. Прожив в том доме трудолюбия месяц, Никодим ушел оттуда с одним стариком в Любань; они шли не по железной дороге, а дальними глухими путями, потому что старик был темный вор. В последний раз он был на воле семь лет тому назад, ночевать ему было негде, и он остановился около возовых весов на базаре у Обводного канала.] Он, в сущности, в точности не знал, или уже забыл теперь, за что его держали всю молодость в тюрьме. [Первоначально, еще малолетнего, его определили в дом трудолюбия, как бродягу-сироту, не помнящего родства, как бобирушку и мелкого хищника съестных припасов на базаре; попечительство о бедных пожелало, чтобы] В последний раз он был на свободе семь лет тому назад. Он помнит, что его позвал к себе в гости — в дом трудолюбия — один добрый старик, пуговичный мастер, ранее сидевший с ним в тюрьме. В доме трудолюбия два старика и одна старуха угостили бывшего арестанта закуской и

напоили чаем с сахаром, сколько он поел и попил, и Никодим тогда сильно наелся в пустой переплетной мастерской дома трудолюбия, а старики со старухами развеселились, они стали плясать и петь, поспешая, пока надзиратель не позвонил, чтобы они шли спать на покой, а то завтра им надо рано работать. Никодим тоже стал тогда весел и ему были милы все эти старые люди, напившиеся вместе с ним чая с черным обильным хлебом, за счет одного бывшего арестанта-старика. Никодим хотел тут же сделать всему дому трудолюбия какое-либо добро в ответ на угощение, но он не имел ничего ни из денег, ни из лишней одежды, и только ухмылялся вместе со всеми, или пел песни в тон старухам. Когда надзиратель позвонил в колокольчик и приказал всем итти спать в ночное помещение наверху, то Никодим попрощался и решил итти ночевать в сарай, где стояли ввозные весы, что у Обводного канала против Тамбовской улицы. Но его знакомый старик ушел тайно вместе с ним из дома трудолюбия, не побоявшись надзирателя; старик хотел еще немного погулять и порадоваться, как и должно быть в жизни. Никодим, опьяневший от хлеба и горячего чая, веселый от гостеприимства, пошел со стариком на Обводной канал. Тогда тоже была осень, но сухая и теплая, поэтому жить еще можно было и без жилища. Старик и Никодим пришли на базар; он уже был пуст из-за позднего, вечернего времени и все ларьки, рундуки и деревянные будки с товаром стояли закрытыми. Однако старику, пуговичному мастеру, вдруг захотелось подарить прюнелевые башмаки знакомой пожилой женщине Марфе Ефимовне, которая сама не жила в доме трудолюбия, но ходила туда в спальные горницы и чинила там одежду старикам и молодым — всем жителям; пуговичный мастер уважал эту женщину и она его тоже терпела. Никодим также был не прочь сделать что-нибудь для стариков и старух из дома трудолюбия, но купить ему подарок было не на что, поэтому он снял ставни с одной будки, где продавали галантерею, тесьму, фитили для ламп, туфли для ношения летом и для покойников и прочее имущество /товары/; но под первой навесной ставней оказалась вторая, закрытая на бауты и на два тяжелых замка, — тогда Никодим, чтоб долго не мучиться, уперся ногами в грунт и свалил будку на землю, а затем они вместе с пуговичным мастером вошли ногами в товар и стали в нем копаться, выбирая, что подороже и побогаче, потому что и без того бедному человеку худое дарить совестно /тому, кто и без того худ и беден/. Но вскоре в разбитую галантерейную будку поналезли разные бездомные ночлежники, подростки, старые женщины, торгующие днем сальниками и требухой из чугунных горшков, и эти люди враз опростали всю торговлю, так что старый пуговичный мастер еле успел сохранить для себя четыре пары туфель, а у Никодима осталась в руках одна картонка с жестяными запонками, но и это добро он не сохранил /удержал/, потому что набежал ночной полицейский, он начал свистеть и вырывать товар у пуговичного мастера и Никодима, — тогда Никодим схватил его поперек тела, уволок прочь и бросил под откос Обводного канала. Все базарные ночные люди разбежались от страха, но поживились они мало: в разоренной ими лавке запас товара имелся небольшой, да и ассортимент его был невелик. Никодим вернулся на прежнее место, пуговичный мастер уже исчез, — он покинул своего друга, чтобы сберечь туфли для старух, — тогда Никодим оторвал с ларька железную табличку «цены без запроса — grand prix», крикнул какой-то возглас и начал валять деревянные торговые будки на землю; некоторые же из них он приподымал и швырял с размаху, чтобы они кололись на части и чтобы товары из них вываливались наружу: в то время в Никодиме была еще молодая сила; он свалил и разбил вдребезги семь торговых будок и дошел до москательного ряда. Там его схватили сторожа и полицейские; Никодим их начал увечить, но ослабел в одиночестве и его повязали...

С тех пор время ушло... Сейчас, в сентябрьские сумерки, Никодим рассматривал светлые точки, которые он сделал ногтем на серой, смутной стене; это была карта звездного неба северного полушария, он сделал ее по памяти с одной

книги, виденной в детстве, и по наблюдению из тюрьмы, и Никодим все прошедшие, долгие годы глядел время от времени на расположение небесных звезд, нарисованных на стене. Ему казалось, что звездами на небе написано что-то самое важное и необходимое, существенное для каждого человека, — не может быть, чтобы картины и фигуры, составленные из звезд, не имели смысла: это вероятно целая книга, открытая для чтения. Человек ведь должен знать все, и притом сразу, поэтому во всем небе всего одна страница. Но что там написано? Этого Никодим не знал; он догадывался, но не был уверен, что его размышление — правда. Лишь в Млечном Пути он был уверен, — не во всем Млечном Пути, а в отростке из него, который выходил в сторону и кончался во тьме или уходил дальше тьмы, — по мнению Никодима это означало: нужно уйти и не вернуться; если весь Млечный Путь походил на толстый прут или обруч, окружающий все звезды и землю, чтобы никто никуда не ушел, то оборвавшаяся, слепая ветвь из него была дорогой бежавшего. Для Никодима это светлое направление, слабеющее в небесной мгле, имело значение надежды. Всякий раз, когда небо было звездное, он подолгу смотрел из тюремного окна на Млечный Путь и на его одинокую ветвь, пока небо не проходило над ним, увлекая Млечный Путь за стену тюрьмы, и тогда Никодим глядел на другие, медленно плывущие прокладные созвездия. Электрический свет в камерах теперь не зажигали, — горела только одна лампочка в коридоре у дежурного стражника, — потому что шла всемирная война и на электрической станции наверно не хватало антрацита.

Пужинав худым хлебом и пшениным супом, Никодим лег спать; уже больше двух тысяч ночей подряд он ночевал в одной и той же тюрьме, предавшись своей безвыходной судьбе. В первые времена своего проживания в заключении он скучал о своем детстве в бревенчатой избе на краю Петербурга; там он слышал, как дуют ветры, как идет дождь, там он застывал от холода и согревался на деревянной кровати около отца, там он хотел есть и наедался щами и кашей вместе с отцом и матерью, а здесь, в тюрьме, стены были толстые — и Никодим не чувствовал за ними погоды, он не застывал здесь в камере, но жил как продрогший, сжавшись по ночам под серым казенным одеялом, он тут не голодал до мучения, однако его постоянно томила слабость неполной жизни в теле от кислой хлебной и пшенной пищи, которую он ел не для удовольствия, а ради необходимости жить дальше, до смерти. В последнее время хлеб в тюрьме стали давать нечистый, с отрубями и жмыхом, хороший хлеб шел солдатам, они были конечно нужнее арестантов, Никодим с этим соглашался. Но раньше ему было [приятно] сознавать, когда он ел чистый ржаной хлеб, что еще недавно это размоленное ржаное зерно питало и выращивало солнце, — где-нибудь в губернии, на далекой ровной ниве, неизвестно где, — а теперь оно было перемешано со жмыхом и стало неощутимым во рту, [жмых его поработил] от жмыха же Никодим болел изжогой, точно от химического, безродного продукта; и лишь вспоминая, что и жмых есть тоже остаток подсолнуха, подсолнечного зерна, и его с жадностью поедают животные, которые не живут в неволе, которые имеют свою самостоятельную, неизвестную душу, Никодим ел его с удовлетворением, не заботясь, что желудок его будет страдать от изжоги.

Днем в тюрьме можно было читать книги, их давали из тюремной библиотеки. Только Никодим за семь лет их не прочитал полностью ни одной. Когда-то он захотел вдруг почитать и попросил себе книгу; тогда ему принесли сразу две тонкие книжки, — одна называлась «Житие угодника божия Николая, Мирликийского чудотворца», а другая «Как преступник Яшка стал слугой отечества». Никодим с охотой начал читать о преступнике Яшке, но вдруг заметил, что чтение мешает его собственным, интересным мыслям: чтение делает их словно ненужными или жалкими, а свой ум начинает жить в дремлющем сновидении, и настоящее трудное чувство делается легким и ложным; этого Никодим принять не мог: он не хотел /желал/, чтобы кто-нибудь его избавил от ощущения самого

себя; Никодим хотел сохранить в себе остатки собственного ума и сердца от разрушения их одиночеством, тоской и печалью; и он боялся, что душа в нем затомится, станет глупой и бедной, прежде чем он выйдет на волю. И поэтому он боялся, что чужие мысли из книги отучат его думать или чувствовать, что ему хочется самому по себе. Слабое сердце легко завоевать.

Придя к такому решению, Никодим несколько лет тому назад закрыл книгу, не желая знать, что у нее в конце, — он сам мог придумать сочинение, еще более увлекательное, чем в книге, и, главное, ему казалась своя мысль истинней и лучше, потому что он мог свою мысль чувствовать и переживать в воображении как в действительности.

И с тех пор Никодим ничего не читал; он предался своей мысли и воображению. Он начал представлять себе, как он живет на свободе настоящей жизнью, — как он работает по колодезному или плотничному делу, передвигаясь пешком из деревни в деревню со своим инструментом; Никодим воображал, что это происходит летом, над полями и жилищами стоит небесное тепло, лишь изредка проходят дожди, но они быстро просыхают, и дорога по ржаным и ячменным полям опять лежит сухая и легкая, — и день проходил в пути среди природы. Заночевав в поселке у Порохового завода, Никодим на следующий день подрядился очистить два срубовых колодца у четырех домохозяев на краю поселка. Отделавшись к вечеру, Никодим получил расчет и пошел в харчевню, а там он увидел молодую официантку, которая продавала за прилавком холодный рубец, студень, огурцы и хлеб. Как только он увидел ту официантку, ему сразу стало хорошо и больно (и сейчас, — не в мысли, а в тюрьме и в сердце, — Никодиму было больно и печально — он в действительности видел однажды такую же милостивую, добрую девицу, только она была не официантка, а простая прохожая, — Никодим не успел в точности запомнить ее лица, зато до сих пор не забыл ее грустной и счастливой прелести, незаметно и навеки вошедшей в него). Наевшись в харчевне, Никодим опять остался ночевать в поселке Порохового завода, а наутро пошел на заводской двор наниматься чернорабочим — ему уже надоело ходить по деревням и поселкам лишь для того, чтобы кормиться, он захотел иметь постоянных родных и знакомых, чтобы не отвыкать от людей, к которым только что успеешь привыкнуть за те два или три ночлега, когда даешь ремонт колодцу в попутной, очередной деревне... И Никодим мысленно ежедневно прожил полгода чернорабочим на заводском дворе, возя известь и шлак в вагонетке; но каждый вечер он ходил в харчевню на поселок и ел что-нибудь из дешевого, глядя на официантку за буфетом и чувствуя от нее всю свою душу. Через полгода Никодим пошел в подручные к слесарю и вскоре сам стал слесарем, хотя и низшего разряда. Купив пиджак, брюки и сапоги, Никодим велел официантке выйти за него замуж, — к тому времени она уже привыкла /и узнала/ его видеть. Она ему сказала, чтоб он подождал до закрытия заведения: он подождал, а она заплакала и объявила ему, что она ведь вдовица с двумя малолетними детьми. Но Никодиму в этом разницы не было — кто она такая; он женился на ней, снял горницу с кухней, и с течением времени жена понесла от Никодима нового ребенка. Потом у них родилось постепенно еще четверо детей, жена начала стареть, он, Никодим, тоже стал гнущься и плешиветь, в еде и одежде была нехватка, и жена часто плакала, склонившись над меньшим ребенком, Сережкой, никогда не жалуясь мужу ни на что, потому что ей самой была известна вся жизнь, вся радость и горе. Ночью однажды жена сказала Никодиму, что бог ее скоро приберет, у нее вся грудь выболела, пусть только Никодим больше не женится, чтобы мачеха детей не обижала. Тогда Никодим изменился сердцем /характером/, — он потребовал на работе увеличить расценки, чтобы в семействе не было нужды по хлебу, чтобы наши жены не сохли прежде старости, а дети не оставались [без ученья]. Ведь он к тому времени был уже слесарем первой руки, а зарабатывал в

месяц рублей тридцать. Мастер хотел выгнать Никодима из конторы, но Никодим сам заругался на него и они подрались друг с другом, пока их не разняли служащие. После того Никодиму дали расчет с завода, он получил одиннадцать рублей двадцать копеек и явился домой. [Через неделю-две в семействе Никодима вышел весь хлеб.] Жена, узнав, что мужа уволили, заболела. Никодим накрыл ее одеялом и начал сам готовить пищу и смотреть за детьми, пока не вышли все деньги. Он продал на толкучке свой пиджак и шапку, на вырученные деньги покормил детей еще два дня, а затем пошел утром опять к заводу, не зная, что ему дальше делать — разбойничать или побираться. Рабочие шли на работу; они увидели Никодима около проходной будки, им стало жалко его и каждый, кто мог, дал Никодиму по ломтю хлеба из своей доли, которую /дала/ дома жена на обед. Никодим снял с себя нательную рубашку и сложил в нее хлеб; затем он пошел обратно к семейству, но не успел дойти и остановился — на заводе загудел тревожный гудок. Никодим подумал, что это пожар или взрыв; он оставил хлеб в рубашке временно на земле и побежал назад к заводу, чтобы помочь тушить пожар или спасти людей и имущество. Он пробежал сквозь

Печатается по записям в тетради, на форзаце которой имеется запись: «Путешествие из Ленинграда в Москву». Текст «Предисловия» не закончен, обрываясь на середине предложения, не проведена и окончательная стилевая его правка. Очевидно, это первые наброски экспозиции романа «Путешествие из Ленинграда в Москву в 1937 году». Эти записи свидетельствуют о связи «Путешествия...» с окончанием работы над романом «Счастливая Москва» (рукопись хранится в архиве М. А. Платоновой). В сохранившейся в архиве СП СССР платоновской аннотации к роману «Путешествие из Ленинграда в Москву» уточняется смысл его названия: «Путешествие по маршруту Радищева. Повторение поездки Радищева в *обратном направлении* (курсив мой. — Н. К.) и описание этой поездки» (ЦГАЛИ, ф. 631, оп. 15, ед. хр. 315, л. 84). Примечательно, что эпиграфом из Радищева («Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала...») помечена и первая страница романа «Счастливая Москва». На последней, 231 странице рукописи московского романа имеется запись, как бы предваряющая наброски петербургской темы «Предисловия»: «Начало романа: Жить нельзя собою в тюрьме, можно — воображением новой другой жизни».

ЗАПИСИ

Люди оценивают явления не по своему разуму-чувству, а по злободневному велению. Но «злободневные» веления зачастую ценят факты не за их самих, а за их носителей, за прошлые заслуги и мн^{огое} др^{угое}.

Бог есть великий неудачник.

Удачник — тот, кто имеет в себе, приобретает (здесь и далее подчеркнуто Платоновым. — Н. К.) какой-либо резкий глубокий недостаток, несовершенство этого мира. В этом и жизнь. А если лишь совершенство, то зачем сюда ты, черт, явился?

Жизнь состоит в том, что она исчезает.

Ведь если жить правильно — по духу, по сердцу, подвигом, жертвой, долгом, — то не появится никаких вопросов, не появится желание бессмертия и т. п. — все эти вещи являются от нечистой совести.

Он стал счастливый как давно хотел быть, да все помехи случались в промежуток.

Как один хотел подчинить, изменить искусство и т. д., — а его самого изменило искусство.

Бог есть, бога нет. То и другое верно. Бог «стал (?) — *нрзб*» непосредственно etc., что разделился среди всего — и тем как бы уничтожился. А «наследники» его, имея в себе «угль» бога, говорят его нет — и верно. Или есть — другие говорят — и верно тоже. Вот весь атеизм и вся религия.

Бог есть и бога нету:

Он рассеялся в людях, потому что он бог и исчез в них, и нельзя быть, чтобы его не было, он не может быть и вечно в рассеянности, в людях, вне себя.

Мученье — первая категория жизни; вторая — радость: Ив. Гвоздарев ¹.

Инстинкт самосохранения надо превратить в инстинкт самопожертвования «> питаемый патриотизмом.

Любовь к родине

К роднику своей души.

Народ не в том, что он существует, а в том, чем он движется.

Все вопросы, мучительные, являются, когда не исполняешь главного долга в эту минуту.

Ты как машина? «Потеешь (?) — *нрзб*» Почему?

Потому, что я человек, а не машина.

— Мертвые-то и посоветуют.

— А почему?

— Они не заинтересованы.

Не зря ли все было?

Ответ погибших.

Опять война... (говорит с мертвыми товарищами)

— Были бы мы на свете, мы бы не побоялись.

— Воюй до конца, работай до смерти.

Великое заблуждение: принимаются за истину те данные науки, которые исторически преходящи, как бы являются рабочим пейзажем, видимостью при движении, исчезающие при углублении в природу ².

Но вся тайна — что у нас народ хороший, его хорошо «зарядили» предки. Мы живем отчим наследством, не проживем же его.

Деятельность офицера должна доказывать любовь отечества к солдату: в этом залог победы войск ³.

Очень важно. Конечно, лишь мертвые питают живых во всех смыслах. Бог есть — покойный человек, мертвый.

Смерть — война необыкновенно увеличивает творческую способность к жизни и работе (пример современной Америки и нашей страны).

Девочка, которая всех передразнивала и затем забыла свое естественное лицо, и так и осталась рожицей. Кто-то, мертвый предмет, передразнил и ее, и у нее застыла рожица в испуге. Что-то — м. б., это было солнце.

Или нет убоже, прошел!

Зимой огонь, замерзнув во дворе, поселяется дома в печке, чтобы согреться.

Партизаны поймали немца. Немца обучили, перевоспитали, привязались к нему. Потом, по обстановке и крайней нужде, немца пришлось расстрелять. И вот пришлось расстрелять своего «воспитанника» — это была драма самая страшная из всей войны для этих людей.

Очень важно.

Нельзя предпринимать ничего без предварительного утверждения своего намерения в другом человеке. Другой человек незаметно для него разрешает нам или нет новый поступок.

Лысенко, майор, командир полка.

Долгая смерть под движущимися 40—50 танками, он мог противопоставить только 2 пушки.

«Покойников не ругают».

История есть, должна быть спасением от забвения.

О скромнейшем солдате ⁴.

Пока мужчины и женщины еще могут любить друг друга — не все потеряно человеческим сердцем.

Рождение второго ребенка тоже измена первому? Как измена любви ⁵.

нрзб не пожалел себя. Я продам душу. я отдам тело. но дождусь тебя живой, а не мертвой, чтобы любить тебя <> тело, душу.

Для сохранения себя — она изменяет — для сохранения любви к мужу: у нее душа нрзб бездушная уцелела бы ⁶.

Пока я люблю и могу любить, не может быть, чтоб плохо было на свете, да и не будет плохо.

Затанцуют, затопчут память о войне ⁷.

Надо быть внутри войны, а не снаружи ее.

Смерть страшна чувством, что не стало главного добра, и уходишь, как похищаешь добро из мира, и оно сгниет в твоей груди.

Бой однократен, оригинален, поэтому его нельзя спланировать как технологический процесс.

На добавке от себя (Илья) весь мир держится.

Безделие в бою — вот источник трусости: займи бойца в бою делом непрерывно, и в бою можно быть лодырем — он и погибнет и других погубит.

Зайцев:

Уж если я никому ничего не должен, как же я буду обязан чем-либо врагу или могу жить в его подчинении.

Нечто «царственное» есть — эгоистическое и доброе.

Человек — табачный дым, пиво, коричневое лицо, хриплый голос, любезный.

В армии: дисциплина автоматична, как бы консервативна, — один полюс; и другой полюс — бой, война требует творчества, нарушения консерватизма, инерции, иногда устава. Меж этими полюсами — все напряжение военачальника.

Много снарядов — хорошо, что у нас один вождь — и военный, и хозяйственный и идейный.

Жизнь есть упускаемая и упущенная возможность.

Сказка:

Дети наделали опасных игрушек: каждая смертельная. Чтобы они не впустили их в дело, им делают еще более лучшие, более поэтому опасные игрушки, чтобы они отвлеклись от использования — и протягивали руки за лучшей и лучшей.

Ребенок долго учится жить: он учится самоучкой, но ему помогают и старшие люди, которые уже приучились существовать. Наблюдать за развитием сознания в ребенке и за осведомленностью его в окружающей неизвестной действительности составляет для нас радость.

Такою же радостью мы чувствуем при наблюдении роста советского солдата на войне.

Искусство сказки состоит из действия, из мудрости и действия, но мудрость только в прямых действиях, а не в рассуждении и не в логике.

Все материалы, помещенные в этом разделе, не датированы. Это записи карандашом на отдельных листах, на обрывках бумаги и из небольшого блокнота.

¹ ...Ив. Гвоздарев — герой повести о детстве, замысел которой восходит к 1927 году: «Думаю теперь засесть за небольшую автобиографическую повесть (детство, 5—12 лет примерно)» («Живя главной жизнью». — «Волга», 1975, № 9, стр. 166). Начало повести «Дар жизни» хранится в архиве Платонова (ЦГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 49); повесть не окончена, прописан только психологический рисунок истоков сиротства, своеобразная предыстория героев-сирот «Чевенгура» и «Котлована». Этот герой появляется в записных книжках Платонова 30-х годов, с ним связана линия поиска нового содержания идеи жизни. В набросках сохранилась и следующая запись, связанная с Иваном Гвоздаревым: «Важное. Утрата матери Иваном Гвоздаревым — утрата души: и поиски души всю остальную жизнь» (ЦГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 99, л. 6).

² *Великое заблуждение...* — Записи этой части публикации — из блокнота Платонова ноября—декабря 1942 года.

³ Первый набросок к замыслу сценария «Русское поле» (1943). Ср.: «Офицер есть образ родины для солдата и как бы заместитель отечества для солдата на поле боя и жертвы, он, офицер, должен быть в глазах воинов «стоящим в протца место»; и только через офицера, — ибо никого иного нет ближе для солдата в час битвы, в час его возможной смерти, — родина может требовать от своего сына-солдата исполнения долга; и одновременно беречь его, любить его вечной любовью и помнить по смерти вечной памятью» (ЦГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 98, л. 8).

⁴ *О скромнейшем солдате.* — Лист этих записей относится, очевидно, к 1944 году. В них прослеживаются некоторые линии рассказа «Афродита» (1944), а также психологические мотивировки рассказа «Возвращение», связанные с судьбой матери детей.

⁵ После смерти сына в 1943 году у Платонова в 1944 году родилась дочь.

⁶ Наброски к рассказу «Возвращение». Ср.: «И я не стерпела жизни и тоски по тебе... А если бы стерпела, я бы умерла, я знаю, что я бы умерла тогда...»

⁷ *Затанцуют, затопчут память о войне.* — Записи этой части публикации относятся к написанию повести «Молодой офицер» (1945—1946), оставшейся в рукописи (ЦГАЛИ, ф. 2124, оп. 1, ед. хр. 76).